Bericht an den internationalen Socialisten-Kongress.

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ДОКЛАДЪ

Делегаціи Россійской Соц.-Дем. Рабочей Партіи.

Амстердамскому Международному Соціалистическому Конгрессу.

(14 — 20 августа 1904 г.)

Изданіе Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

ЖЕНЕВА

Типографія Партіи. Genève, Rue de la Coulouvrenière, 27.

1904

Bericht an den internationalen Socialisten-Kongress.

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ДОКЛАДЪ

Делегаціи Россійской Соц.-Дем. Рабочей Партіи.

Амстердамскому Международному Соціалистическому Конгрессу.

(14 — 20 августа 1904 г.)

Изданіе Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

ЖЕНЕВА
Типографія Партіи. Genève, Rue de la Coulouvrenière, 27.
1904

I. Общій ходъ русской политической жизни за 1900-1904 гг.

Періодъ, истекшій со времени послѣдняго международнаго конгресса, былъ знаменательной эпохой въ жизни всего русскаго общества, и въ частности рабочаго движенія и руководящей имъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

Широко разлившееся стачечное движеніе второй половины 90-хъ гг. и связанное съ нимъ пробужденіе политическаго недовольства въ рабочихъ массахъ впервые наглядно показало всѣмъ оппозиціоннымъ и революціоннымъ слоямъ русскаго общества и народа существованіе массовой силы, готовой встать на борьбу противъ царизма. И одного этого факта было достаточно для немедленнаго подъема и усиленія того напора на самодержавіе со стороны студенчества, демократической интеллигенціи, либеральнаго земства, который до тѣхъ поръ оставался столь безплоднымъ. И вмѣстѣ съ этимъ ростомъ либеральной и демократической оппозиціи, въ лицѣ своихъ крайнихъ представителей искавшей опоры все въ тѣхъ же рабочихъ массахъ и пытавшейся подойти къ нимъ съ той внѣклассовой quasi-соціалистической программой, которая такъ много обѣщаетъ всѣмъ „трудящимся" и такъ мало даетъ пролетаріату, вмѣстѣ съ этимъ необычайно усложнились задачи соціальдемократической партіи, до тѣхъ поръ, втеченіе довольно продолжительнаго времени, бывшей почти единственной представительницей организованнаго революціоннаго движенія.

Охватившій русскую промышленность, особенно на югѣ, кризисъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, сопровождался сильнѣйшей безра-

ботицей, пониженіемъ заработной платы, ухудшеніемъ всѣхъ условій труда и породилъ огромный подъемъ недовольства и политическаго броженія въ широкихъ рабочихъ массахъ. Это броженіе въ свою очередь сказалось въ цѣломъ рядѣ, часто совершенно стихійно возникавшихъ протестовъ и достигло апогея въ той грандіозной всеобщей стачкѣ, которая лѣтомъ 1903 года, какъ эпидемія, охватила весь югъ Россіи и на нѣсколько дней остановила всю промышленную и торговую жизнь огромнаго района.

Одновременно выступила на сцену и необходимость бороться съ тою политикою правительства, которая извѣстна подъ именемъ „зубатовщины“ и сводится къ попыткѣ развратить и политически поработить рабочія массы мнимымъ покровительствомъ ихъ ближайшимъ экономическимъ интересамъ. Политика эта, пущенная въ ходъ московскимъ жандармомъ Зубатовымъ, широко практиковалась царской полиціей и на первыхъ порахъ внесла нѣкоторую смуту въ ряды рабочихъ. Скоро, однако, царское правительство должно было убѣдиться, что нельзя безнаказанно играть съ огнемъ, и что, разъ пробудившись, хотя бы и подъ вліяніемъ нашептываній полиціи, къ борьбѣ за свои, даже мелкіе, интересы, пролетаріатъ не остановится на той точкѣ, которая предуказана ему свыше, а быстро пойдетъ впередъ къ болѣе широкимъ сферамъ борьбы, разрушая грязные замыслы полицейскихъ демагоговъ.

Зашевелилось за этотъ періодъ и крестьянское населеніе. Освобожденное формально отъ крѣпостной зависимости 19 февраля 1861 года, русское крестьянство, благодаря самимъ условіямъ освобожденія, оставалось и остается въ сущности въ значительной мѣрѣ закабаленнымъ помѣщикамъ. Не малую роль — на почвѣ самодержавныхъ порядковъ — играютъ тѣ земли, которыя были изъяты въ пользу помѣщиковъ изъ крестьянскаго владѣнія при „освобожденіи“ и теперь служатъ могучимъ средствомъ для закабаленія крестьянъ. Еще въ большей мѣрѣ

сохранилось закрѣпощеніе крестьянъ государству. Цѣлая система государственной опеки — со времени изданія въ 1889 г. закона о земскихъ начальникахъ получившей отчасти сословно-дворянскій характеръ, — стѣсненіе права передвиженія и распоряженія своею землею, политическое и гражданское неравноправіе доходящее до примѣненія тѣлеснаго наказанія, затрудненіе доступа образованія въ деревню, почти полное устраненіе крестьянъ отъ земскаго самоуправленія, непосильные налоги, прямые и въ особенности косвенные, — все это дѣлаетъ необычайно болѣзненнымъ тотъ процессъ проникновенія въ деревню новыхъ, построенныхъ на капиталистическихъ основаніяхъ, отношеній, который начался немедленно по освобожденіи. Затрудняя переходъ къ новымъ, высшимъ формамъ хозяйства для тѣхъ крестьянъ, которые имѣютъ еще возможность удержаться на землѣ; препятствуя полному разрыву связи съ землей для тѣхъ, кому уже теперь наемный трудъ служитъ главнымъ источникомъ пропитанія; стѣсняя развитіе промышленной жизни вообще — самодержавный режимъ, закрѣпощающій крестьянина, не можетъ задержать разложенія деревни, и если препятствуетъ *пролетаризаціи* крестьянства, то лишь цѣною его усиленной *пауперизаціи*. Такое положеніе дѣлъ создало для русской деревни цѣлый рядъ неслыханныхъ страданій, выражающихся ярче всего въ голодовкахъ, изъ года въ годъ охватывающихъ то тотъ, то другой районъ Россіи. При такихъ обстоятельствахъ, конечно, быстрыми шагами шло и разрушеніе той традиціонной деревенской идеологіи, которая привыкла видѣть защитника въ богѣ на небѣ и въ царѣ на землѣ. Недовольство существующимъ положеніемъ охватывало все болѣе широкіе, особенно бѣднѣйшіе слои крестьянства. Тѣ сѣмена политической агитаціи, которыя заносились пролетаріями, возвращавшимися въ родныя деревни какъ вслѣдствіе безработицы, такъ и вслѣдствіе тѣхъ высылокъ „на родину“ недовольныхъ элементовъ, которыя такъ широко практиковались

царскимъ правительствомъ, — эти сѣмена находили благодарную почву въ деревнѣ. Крестьянство зашевелилось, и „крестьянскіе бунты“ 1902 г. явились показателемъ того остраго недовольства, которое охватило деревенскія массы. Но сверхъ того во многихъ мѣстахъ началось и организованное крестьянское движеніе, частью — особенно на Кавказѣ — ставшее подъ руководство соціальдемократіи. Крестьянское движеніе, конечно, поставило передъ соціальдемократіей самымъ острымъ образомъ вопросъ объ аграрной программѣ, и ниже мы изложимъ то, что сдѣлано въ этомъ направленіи.

Новое поле дѣятельности открылось для соціальдемократіи и въ арміи.

Въ своей борьбѣ съ ростущимъ революціоннымъ движеніемъ царское правительство не остановилось и передъ такими средствами, самая мысль о которыхъ кажется чудовищною въ XX вѣкѣ. Еврейскіе погромы, прежде всего Кишиневскій, были — какъ это съ неопровержимою ясностью доказано даже тѣми quasi-судами, которые больше всего заботились о сокрытіи истины — организованы министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и имѣли цѣлью не только натравить народную массу на мнимаго врага—евреевъ, чтобы отвлечь ея вниманіе отъ дѣйствительнаго — самодержавія, но и запугать революціонеровъ. Уже Кишиневскій погромъ былъ устроенъ за нѣсколько дней до 1 мая; во многихъ другихъ городахъ губернаторы прямо угрожали, что, если 1 мая будутъ устроены рабочія демонстраціи, правительство отвѣтитъ погромами.

Наконецъ, колоссальный фактъ русско-японской войны, который, каковъ бы ни былъ ея исходъ, не можетъ не потрясти до основанія все устарѣлое зданіе русскаго самодержавія, возложилъ на нашу партію такія обязанности и внесъ такое осложненіе въ ея дѣятельность, какихъ она не знавала никогда ранѣе.

Не удивительно, что всѣ эти обстоятельства, на

почвѣ той основной проблемы, которая стоитъ передъ русской соціальдемократіей съ самаго ея зарожденія и сводится къ созданію классовой партіи пролетаріата въ такую эпоху, когда еще все буржуазное общество въ цѣломъ борется за элементарныя условія своего свободнаго развитія; не удивительно, что все это сдѣлало необычайно богатою и внѣшнюю, и внутреннюю жизнь Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи за разсматриваемый періодъ.

Къ краткому обзору этой жизни мы теперь и перейдемъ, заранѣе оговариваясь, что обстоятельства, не отъ насъ зависѣвшія, помѣшали намъ придать нашему очерку даже ту минимальную степень полноты и подробности, которая была бы необходима, чтобы дать достаточно ясное представленіе о пережитомъ періодѣ.

II. Рабочее движеніе за разсматриваемый періодъ.

а) Стачки.

Докладъ, представленный делегаціей Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи Парижскому международному конгрессу 1900 г., весьма подробно останавливался на перечисленіи и описаніи того стачечнаго движенія, которое для эпохи 90-хъ годовъ являлось новымъ и знаменательнымъ факторомъ русской общественно-политической жизни.

Въ нынѣшнемъ докладѣ мы не могли бы дать такого перечисленія, и не только потому, что намъ мѣшаютъ тѣ внѣшнія обстоятельства, о которыхъ мы говорили въ концѣ предыдущаго параграфа. Нѣтъ, и само по себѣ стачечное движеніе приняло такіе размѣры, стало такимъ *обыденнымъ* фактомъ русской политической дѣйствительности, что сколько-нибудь полная регистрація его стала совершенно невозможной. Не нужно забывать, что, при отсутствіи свободы печати и систематическомъ подавленіи цензурою свѣдѣній о рабочемъ движеніи и при почти полномъ отсутствіи профессіональныхъ союзовъ, огромное большинство стачекъ возникаетъ и протекаетъ чисто стихійно и даже— поскольку рѣчь идетъ о стачкахъ, не выдающихся по числу участниковъ или сопровождающимъ стачку событіямъ—привлекаетъ къ себѣ сравнительно весьма мало вниманія. Партійнымъ организаціямъ во всякомъ случаѣ до сихъ поръ не удалось подчинить своему руководству все стачечное движеніе; для этого не хватаетъ ни силъ, ни средствъ, ибо самое простое — на европейскій масштабъ —

вмѣшательство соціальдемократіи въ ходъ стачки, при условіяхъ нелегальной дѣятельности, предполагаетъ сравнительно огромную затрату революціонной энергіи. Надо впрочемъ замѣтить, что нѣкоторую роль въ этомъ сравнительно слабомъ участіи соціальдемократіи въ ходѣ и развитіи стачечнаго движенія сыграло и концентрированіе вниманія ея за послѣдніе годы главнымъ образомъ на непосредственной политической агитаціи и борьбѣ, и уже на второмъ съѣздѣ Партіи поднятъ былъ вопросъ объ исправленіи этой односторонности. Какъ бы то ни было, можно сказать, что нѣтъ уже на всемъ пространствѣ Россіи отъ Архангельска до Кавказа и отъ Петербурга до самыхъ отдаленныхъ мѣстностей Сибири — Приморской, Якутской области и даже „оккупированной“ Манджуріи — такого, сколько нибудь замѣтнаго промышленнаго и торговаго поселенія, которое не видало бы въ своихъ стѣнахъ стачки. И нѣтъ такой отрасли труда — отъ фабрично-заводскихъ, горныхъ и желѣзнодорожныхъ рабочихъ и до извощиковъ, грузчиковъ и рабочихъ на торфяныхъ болотахъ и сельскихъ — представители которой не пытались бы путемъ стачечной борьбы улучшить свое экономическое положеніе. Нерѣдко причиной стачки служило и требованіе болѣе вѣжливаго обращенія, отмѣны фабричныхъ „обысковъ“ и т. п. — вѣрный показатель повышенія чувства собственнаго достоинства въ рабочей средѣ.

Сравнительно съ предшествующимъ періодомъ нельзя не замѣтить возростающаго стремленія рабочихъ вести стачечную борьбу безъ тѣхъ насилій, разрушеній фабричныхъ зданій, поджоговъ и т. п., которыми вездѣ, въ томъ числѣ и въ Россіи, сопровождается на первыхъ порахъ борьба закабаленныхъ, опутанныхъ темнотою и невѣжествомъ массъ. И если, какъ будетъ видно ниже, значительное число крупныхъ стачекъ все же сопровождалось стычками съ полиціей и даже войсками, причемъ падали десятки раненыхъ и убитыхъ, то объясняется это обстоятельство отнюдь не насиль-

ственнымъ образомъ дѣйствій забастовщиковъ, а упорнымъ желаніемъ царскаго правительства во что бы то ни стало силою подавить развивающееся рабочее движеніе. Такихъ грубыхъ насилій, такого массоваго убійства, такого обширнаго употребленія оружія противъ собственныхъ гражданъ не знала, конечно, ни одна страна. Всѣ тѣ матеріальныя силы, которыя капиталистическое производство даетъ въ руки современнаго правительства, служили царскому правительству прежде всего для борьбы съ рабочимъ классомъ. Въ противоположность такъ называемымъ соціалистамъ-революціонерамъ наша партія старалась по возможности предотвращать кровопролитные конфликты съ войсками и полиціей. Ставя себѣ задачей развитіе классоваго сознанія и классовой организаціи рабочихъ, мы не имѣемъ причины желать ненужнаго кровопролитія, которое, быть можетъ, и обостряетъ временами *чувство* недовольства администраціей, но не освѣщаетъ этого недовольства свѣтомъ классового сознанія, вноситъ дезорганизацію въ ряды рабочаго движенія и истощаетъ преждевременно его силы. Поэтому вездѣ мы рекомендовали рабочимъ вести свою борьбу въ возможно болѣе выдержанныхъ и спокойныхъ формахъ, стараясь не поддаваться на провокацію полиціи и удерживая своихъ болѣе неразвитыхъ или пылкихъ товарищей отъ проявленія своего законнаго гнѣва въ насильственныхъ дѣйствіяхъ.

Мы не можемъ дать описанія даже всѣхъ крупныхъ стачекъ за разсматриваемый періодъ, но перечислимъ вкратцѣ хотя бы наиболѣе выдающіяся изъ нихъ.

3 октября 1900 г. забастовали рудокопы Донецкаго бассейна. Требованія рабочихъ были самыя умѣренныя: возстановленіе прежней заработной платы, которая была сокращена за два мѣсяца до стачки. Были вызваны казаки, которые, не разбирая дѣла, бросились на стоявшую невдалекѣ толпу женщинъ и дѣтей и стали бить нагайками. Это страшно озлобило и разгорячило рабочихъ, бросившихся на помощь своимъ семьямъ; началась настоящая свалка, кончившаяся тѣмъ, что рабочіе разгромили контору, уничтожали бумаги, били стекла. Разгромъ

продолжался цѣлый день. Вызванный второй казачій отрядъ окружилъ и арестовалъ 300 чел. рабочихъ, а затѣмъ прогналъ ихъ *сквозь строй*. Стачка кончилась частичнымъ успѣхомъ: на нѣкоторыхъ рудникахъ была возстановлена прежняя плата, на другихъ не такъ сильно сокращена, какъ предполагалось вначалѣ. Въ стачкѣ участвовало около тысячи рабочихъ.

Даже въ такомъ отдаленномъ мѣстѣ, какъ Якутская область, за десять тысячъ верстъ отъ центральныхъ губерній Россіи, имѣли мѣсто двѣ большія стачки рабочихъ: на Приленскихъ золотыхъ пріискахъ 2-9 января 1901 г. (принимало участіе 1700 рабочихъ) и на Бодайбинскихъ — 9-16 января 1901 г. (принимало участіе 800 раб.). Требованія предъявлены были во время обѣихъ стачекъ почти одинаковыя: 1) выдача платы ежемѣсячно — при томъ не болѣе $^1/_3$ припасами, 2) разрѣшеніе свободной торговли припасами, 3) замѣна нѣкоторыхъ служащихъ другими, 4) правильный подсчетъ заработка, 5) никого изъ рабочихъ не разсчитывать. Большинство требованій удовлетворено.

Въ началѣ марта 1901 г. была стачка ткачей Норской мануфактуры Ярославской губ. Причиной послужило предполагаемое пониженіе расцѣнковъ на лѣто; рабочіе требовали прежней платы. Участвовало въ стачкѣ 3.500 ткачей. Кончилась неудачно.

6 іюня 1901 года вспыхнула стачка въ г. Саратовѣ на желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ. Непосредственной причиной стачки была, практикуемая администраціей мастерскихъ, система произвольныхъ штрафовъ и пониженіе расцѣнковъ почти на 50%. Въ переговоры между рабочими и администраціей мастерскихъ вмѣшался жандармскій полковникъ, но всетаки рабочіе добились, хотя и не полнаго удовлетворенія своихъ требованій, но повышенія платы и пониженія штрафовъ. Въ стачкѣ принимало участіе 3.000 рабочихъ.

3 августа 1901 года началась стачка рабочихъ Тамбовскихъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, въ связи съ предыдущей стачкой въ Саратовѣ. Администрація мастерскихъ, по примѣру Саратовской, ввела новыя болѣе строгія правила относительно штрафовъ, что и послужило непосредственной причиной стачки. Рабочіе, кромѣ отмѣны новой системы штрафовъ, требовали вообще улучшенія нѣкоторыхъ условій труда и регулированія расцѣнковъ; между прочимъ было среди требованій и хорошее обращеніе съ рабочими. Вслѣдствіе угрозы губернатора выслать всѣхъ рабочихъ на родину, а „зачинщиковъ“ въ восточныя губерніи, рабочіе прекратили стачку. Участвовало въ ней 2.000 рабочихъ.

Въ Саратовѣ 17 августа 1901 г. удаленіе нѣсколькихъ „подозрительныхъ“ (въ политическомъ смыслѣ) рабочихъ за участіе въ іюнской стачкѣ вызвало новую забастовку въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ. Въ числѣ требованій, предъявленныхъ рабочими, было требованіе отвести особое помѣщеніе для совѣщанія уполномоченныхъ отъ рабочихъ, дать рабочимъ возможность свободно собираться для совѣщанія съ ихъ уполномоченными и

установить часы для пріема послѣднихъ начальникомъ. Мастерскія были закрыты. Принимало участіе въ стачкѣ 3.000 чел.

Въ октябрѣ 1901 г. въ Тифлисѣ вспыхнула стачка рабочихъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, въ которой участвовало 4.000 рабочихъ; между требованіями были выставлены: 8-ми часовой рабочій день, повышеніе заработной платы и вообще улучшеніе условій труда. Стачка продолжалась 15 дней, но безъ успѣха, такъ какъ была подавлена вызванными войсками и арестомъ 1.500 рабочихъ.

Въ февралѣ 1902 г. въ Твери была стачка ткачей (1.500 ч.) изъ за принужденія работать въ праздникъ. Стачка кончилась неудачею.

Въ Батумѣ 28 февраля 1902 г. вспыхнула стачка на керосиновыхъ промыслахъ Ротшильда изъ за того, что на этомъ заводѣ разсчитали 420 старыхъ рабочихъ, какъ лицъ „неблагонадежныхъ". Рабочіе требовали принятія ихъ обратно Во время стачки было арестовано много рабочихъ; стачечники требовали ихъ освобожденія; собрались въ количествѣ 600 человѣкъ и двинулись съ революціонными пѣснями къ тюрьмѣ, гдѣ сидѣли арестованные товарищи. Полиція пошла на хитрость и освободила всѣхъ рабочихъ, но просила остальныхъ 600 чел. пройти не по улицѣ, а черезъ дворъ тюрьмы; когда же они вошли во дворъ, то она всѣхъ ихъ арестовала, и тутъ они наткнулись на двѣ роты солдатъ. Возмущенные рабочіе стали бросать въ солдатъ грязь и камни. Отданъ былъ приказъ стрѣлять — одинъ убитъ и 19 ранено; изъ нихъ вскорѣ умерло 9. Принимало участіе болѣе 2.000 человѣкъ.

26 марта 1902 г. бастовали рабочіе Воткинскаго завода Вятской губ. Выставили требованія: 8-ми часовой рабочій день и повышеніе расцѣнковъ. Рабочіе арестовали управляющаго, разгромили камеру судьи и освободили нѣсколько арестованныхъ рабочихъ. Были вызваны войска, назначено административное слѣдствіе, результатомъ котораго было наказаніе розгами 35 рабочихъ. Рабочіе ничего не выиграли; участвовало 5.000 челов.

13 сентября 1902 г. началась стачка въ Красноярскѣ рабочихъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ. Непосредственной причиной стачки послужила задержка разсчета. Стачка на другой же день кончилась полнымъ успѣхомъ. Участвовало 1.500 раб.

4 ноября 1902 г. вспыхнула огромная стачка въ мастерскихъ Владикавказской желѣзной дороги въ Ростовѣ на Дону, нашедшая откликъ какъ въ другихъ заводахъ этого города, такъ и въ Тихорѣцкой и Новороссійскѣ. Объ этихъ стачкахъ мы будемъ еще говорить ниже.

9 декабря 1902 г. снова вспыхнула стачка въ Батумѣ на керосиновыхъ промыслахъ Ротшильда; рабочіе требовали возвращенія всѣхъ штрафныхъ денегъ и наградныхъ къ Рождеству въ размѣрѣ мѣсячной заработной платы. Штрафныхъ денегъ скопилось въ рукахъ предпринимателя 600.000 руб. Рабочихъ всѣхъ разсчитали — 1.500 чел.

16 января 1903 г. въ г. Таганрогѣ началась стачка на металлургическомъ заводѣ вслѣдствіе несвоевременнаго разсчета. Рабочіе требовали немедленнаго разсчета за двухъ-недѣльный срокъ, а не черезъ три недѣли, какъ это практиковалось. Стачка продолжалась четыре дня и кончилась полнымъ успѣхомъ для рабочихъ. Принимало участіе 850 чел.

Въ С.-Петербургѣ 23 января 1903 г. длинный рабочій день (15 ч.) вызвалъ стачку на ниточной фабрикѣ Штиглица. Требовали сокращенія до 13 часовъ и повышенія расцѣнка. По приказу градоначальника разсчитаны всѣ 3.000 рабочихъ.

Во время стачки въ Златоустѣ 13 марта 1903 г. правительство устроило настоящую бойню. Стачка вспыхнула изъ за введенія новыхъ разсчетныхъ книжекъ съ измѣненными правилами. Этими правилами вводились денежныя взысканія за поломку инструментовъ, станковъ, машинъ; крупные штрафы за опозданіе и угроза тюремнымъ заключеніемъ за разныя нарушенія правилъ. Рабочіе отказались принять книжки и бросили работу. Явились войска во главѣ съ губернаторомъ, который запретилъ рабочимъ собираться и приказалъ выбрать депутатовъ. На другой день депутаты были арестованы и увезены. Возбужденная толпа въ количествѣ 5.000 чел. собралась на площади и требовала отъ губернатора освобожденія арестованныхъ. На отказъ губернатора освободить депутатовъ изъ толпы послышались угрожающіе возгласы: „мы васъ всѣхъ перебьемъ!" Тотчасъ, безъ всякаго предупрежденія, хотя рабочіе начали уже расходиться, былъ отданъ приказъ стрѣлять — въ результатѣ 69 убитыхъ и 100 раненыхъ. На другой день работы возобновились, книжки остались не принятыми.

Въ мартѣ 1903 г. въ Вязникахъ Владимірской губ. началась стачка ткачей. Рабочіе требовали смѣны управляющаго. Бастовала вся фабрика — 900 рабочихъ. Стачка кончилась полнымъ успѣхомъ.

22 марта 1903 г. въ С.-Петербургѣ забастовали рабочіе Варшавскихъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ изъ за пониженія расцѣнковъ; требовали оставленія прежняго расцѣнка и сокращенія рабочаго дня. Вызванные въ мастерскія казаки избивали рабочихъ нагайками. Послѣ пріѣзда градоначальника и обѣщанія исполнить требованія рабочихъ стачка прекратилась. Принимали участіе всѣ мастерскія — нѣсколько тысячъ человѣкъ.

5 мая 1903 г. въ Костромѣ на бумаготкацкой фабрикѣ Бельгійскаго Акціонернаго Общества, вслѣдствіе страшно низкой заработной платы, которая доходила до 9½ коп. въ день, и еще большаго ея пониженія, вспыхнула стачка. Рабочіе требовали повышенія заработной платы и удаленія грубаго директора. Администрація фабрики не уступала; рабочіе собирались большими толпами около фабрики, полиція разгоняла, и такимъ образомъ произошло нѣсколько стычекъ съ полиціей. Ниже мы разсказываемъ о происшедшей въ связи съ этой стачкой демонстраціи.

Отказъ хозяевъ расплатиться полностью за вынужденный праздникъ 16 мая 1903 г. (день 200-лѣтія Петербурга) послужилъ причиною стачки 2.000 петербугскихъ ткачей.

Характерна по своей причинѣ стачка, начавшаяся 22-го мая 1903 г. въ г. Николаевѣ на судостроительномъ заводѣ и охватившая болѣе 7.000 рабочихъ; она отличалась также замѣчатательной стойкостью, выдержанностью и единодушіемъ рабочихъ, громадными собраніями и содержательными рѣчами, произносившимися самими рабочими. 22 мая былъ разсчитанъ одинъ рабочій за прогулъ одного дня. Рабочій пошелъ къ инженеру, который встрѣтилъ его площадной руганью. Рабочій отвѣтилъ ему пощечиной. Инженеръ выхватилъ изъ кармана револьверъ и выстрѣлилъ, но промахнулся. Это и послужило поводомъ къ немедленному возникновенію стачки. Рабочіе отправились въ контору требовать фабричнаго инспектора, прокурора и градоначальника. На слѣдующій день появились листки Николаевскаго Комитета Р. С.-Д. Р. П., приглашавшіе къ забастовкѣ и выставлявшіе 14 требованій, которые рабочіе и предъявили: 1) удаленіе инженера, 2) оставленіе рабочаго, давшаго пощечину, 3) отмѣна обысковъ, 4) отмѣна штрафовъ, 5) отмѣна принудительныхъ сверхурочныхъ работъ, 6) отмѣна принудительнаго участія въ устроенной заводомъ кассѣ и другія болѣе мелкія требованія. Войска была на готовѣ, но по настоянію рабочихъ на заводъ не были введены. Администрація завода согласилась удовлетворить часть требованій.

Въ Борисоглѣбскѣ 20 іюня 1903 г. вспыхнула стачка въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ Общества Юго-Восточныхъ жел. дорогъ. Причиной послужили вообще очень тяжелыя условія труда, настроеніе же было подготовлено листками нашей организаціи. Требованія рабочихъ были формулированы въ листкахъ: 1) Удаленіе помощника начальника мастерскихъ, 2) повышеніе заработной платы, 3) сокращеніе рабочаго дня до 8-ми часовъ, 4) уничтоженіе штрафовъ. Стачка продолжалась 9 дней — принимало участіе 3.000 рабочихъ.

9-го Сентября 1903 г. въ Москвѣ началась громадная стачка почти всѣхъ типографщиковъ и переплетчиковъ города. Стачка эта подготовлялась заранѣе самими рабочими. За недѣлю до стачки устраивались правильныя сходки человѣкъ въ 300—500, куда являлись представители всѣхъ типографій. Требованія были выработаны рабочими наканунѣ забастовки: 1) сокращеніе рабочаго дня до 9-ти часовъ днемъ и до 8-ми ночью (2 часа на обѣдъ), 2) повышеніе жалованья на 30%, 3) особая плата за корректуру, 4) прогрессивно растущее вознагражденіе мальчиковъ-учениковъ, 5) постоянный фельдшеръ, 6) тождество расцѣнковъ и условій труда во всѣхъ типографіяхъ, 7) отмѣна штрафовъ за опозданіе, 8) введеніе рабочихъ старостъ по закону 1 іюня 1902 г., 9) уничтоженіе посредниковъ между рабочими и предпринимателями, 10) новыя условія должны быть подписаны всѣми хозяевами и фабричнымъ инспекторомъ. Всякіе частные переговоры съ отдѣльными владѣльцами типографій отвергались. Въ стачкѣ принимало участіе 15.000 рабочихъ. Рабочіе добились слѣдующихъ результатовъ: 1) въ типографіяхъ и литографіяхъ установлена была *одинаковая* продолжительность ежедневныхъ работъ, въ 10 часовъ, 2) введена новая общая расцѣнка труда

рабочихъ, повышенная на 20—50%. Рабочіе держались все время такъ выдержанно, что не было ни одного столкновенія съ полиціей.

25-го февраля 1904 г. вспыхнула стачка въ Твери на вагоностроительномъ заводѣ. 21 февраля столярный цехъ заявилъ администраціи завода требованіе объ удаленіи одного мастера и повышеніи расцѣнковъ, но администрація отказала. Рабочіе волновались нѣсколько дней, а затѣмъ подъ вліяніемъ прокламаціи Тверского Комитета Р. С.-Д. Р. П., гдѣ говорилось о безобразіяхъ администраціи и положеніи рабочихъ, 23-го февраля сталъ весь заводъ. Требовали отмѣны штрафовъ и обысковъ, вѣжливаго обращенія, повышенія расцѣнковъ и другихъ улучшеній условій труда. Вызванные на заводъ солдаты по требованію рабочихъ были удалены. Уступокъ не было сдѣлано никакихъ. Рабочихъ разсчитали и набрали вновь. Въ стачкѣ принимало участіе 3,000 рабочихъ.

Особо отмѣтимъ Петербургскія стачки 1901 г., стоявшія въ связи съ празднованіемъ 1-го мая. Въ результатѣ ихъ произошло столкновеніе рабочихъ съ войсками и полиціей на Выборгской сторонѣ (ткацкія фабрики), гдѣ было много раненныхъ, и на Обуховскомъ заводѣ. Здѣсь рабочіе (3.600 чел.) построили баррикады и энергично защищались отъ натиска войскъ градомъ камeньевъ. Въ результатѣ со стороны рабочихъ пало 6 убитыхъ и 8 тяжело раненыхъ. Такъ называемые „зачинщики" были преданы суду и приговорены къ заключенію въ арестанскія роты съ лишеніемъ правъ. Особенно геройски держалась въ этомъ процессѣ 18-ти лѣтняя работница, Мароа Яковлева, произнесшая пламенную рѣчь и открыто заявившая о своей готовности и впредь всѣми силами служить рабочему дѣлу. Она обвинялась въ томъ, что во время столкновенія подавала рабочимъ камни.

Подобныя-же волненія были и на другихъ Петербургскихъ заводахъ, напр., Семянниковскомъ (болѣе 5000 чел.) и др.

Общее количество участниковъ этихъ, наиболѣе крупныхъ, стачекъ — не менѣе 100,000 чел. Около сотни убитыхъ и еще больше раненыхъ стоили пролетаріату эти попытки улучшить свое экономическое положеніе. О числѣ арестованныхъ, высланныхъ „на родину" и въ отдаленныя сѣверныя и сибирскія губерніи говорить не приходится, потому что нѣтъ возможности усчитать сколько нибудь точно это, столь обычное для Россіи, проявленіе административнаго произвола. Подчеркнемъ только еще разъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ поведеніе рабочихъ во время стачекъ не давало и тѣни повода для вмѣшательства полиціи и войскъ. Аресты, ссылки и массовыя убійства во время стачекъ объясняются исключительно необузданнымъ произволомъ администраціи, не выносящей и проблеска самостоятельной борьбы рабочихъ за лучшую долю.

Дадимъ еще краткій — очень неполный — перечень болѣе мелкихъ стачекъ за разсматриваемый періодъ, о которыхъ у насъ имѣются свѣдѣнія:

Въ 1900 г. въ городахъ: С.-Петербургъ; с. Сѣтунь, Моск. г; Ив.-Вознесенскъ; Тула; Орл. губ.; Кіевъ; ст. Константиновка, Екат.

губ.; Екатеринбургъ; Тифлисъ; Красноярскъ; Олекминскъ. Въ промыслахъ: желѣзопрокатные заводы; механическіе заводы; патронный заводъ; желѣзнодорожныя мастерскія; стеклянные заводы; табачныя фабрики; рудокопы; ткачи; бумагопрядильщики; трепальщики; типографщики; булочники.

Въ 1901 г. бастовали рабочіе въ слѣдующихъ городахъ: Петербургъ; Москва; Серпуховъ; Ярославль; Романово-Борисоглѣбскъ, Яросл. губ.; Ив.-Вознесенскъ; с. Каменка, Костр. губ.; Курскъ; Орловск. губ; Брянскъ; Нижній-Новгородъ; Тамбовъ; Воронежъ; Харьковъ; Кіевск. губ.; Кіевъ; Черкассы, Кіевск. губ.; Екатеринославъ; Одесса; Кишиневъ; Николаевъ; Таганрогъ; Таврическ. губ.; Ливадія; Симферополь; Тифлисъ; Саратовъ; с. Николаевское, Сарат. губ.; Николаевскъ, Сам. губ.; Уфимск. губ.; Пермск. губ.; Томскъ. Бастовавшіе рабочіе распредѣляются по очень разнообразнымъ промысламъ, какъ-то: судостроит. заводы; желѣзодѣлательные заводы; металлургическіе заводы; чугунно-литейные заводы; механическіе заводы; желѣзнодорожныя мастерскія; механическія мастерскія; сахаро-рафинадные заводы; гвоздильные заводы; мастерскія плуговъ; табачныя фабрики; ткацкія фабрики; прядильныя фабрики; красильныя фабрики; типографщики; переплетчики; шорники; кожевники; портные; трамвайщики; кондуктора и кучера конно-жел. дорогъ; столяры; фармацевты; грузчики; баньщики и сельско-хозяйственные рабочіе.

Въ 1902 г. были забастовки въ городахъ и селахъ: Тверь; Ярославль; Рославль; Харьковъ; Кіевск. г.; Кременчугъ; Екатеринославъ; Херсонъ; Ростовъ н/Д.; Сулинъ, Донск. обл.; Батумъ; Тифлисъ; Астрахань; Ливадія; Ялта; ст. Еланская, Енисейск. губ.; Иркутскъ; онѣ охватили промыслы: паровозостроительные заводы; металлургическіе заводы; стеклянные заводы; желѣзнодорожныя мастерскія; жел. дор. рабочіе; сахарорафинадные заводы; керосиновые промысла; рабочіе механическ. производства обуви; ткацкія фабрики; заготовщики; фармацевты; портные; маляры и бондари.

Въ 1903 г. были многочисленные стачки въ цѣломъ рядѣ городовъ и селъ: С.-Петербургъ; Тверь; Вышній-Волочекъ; Москва; с. Озеры, Моск. губ.; Владим. губ.; Иваново-Вознесенскъ; Шуя; Борисоглѣбскъ; Кострома; Брянскъ; Кіевъ; Черниговъ; Городня, Черниг. губ.; Екатеринославъ; ст. Алмазовка, Екатериносл. губ.; с. Каменское, Екат. губ.; Бахмутъ, Екат. губ.; Оникшты; Томна; Одесса; Кременчугъ; Ростовъ на Дону; Таганрогъ; Донецъ; Юзовка; Керчь; Севастополь; Николаевъ; Бердянскъ, Тавр. губ.; Симферополь; Баку; Тифлисъ; Батумъ; Самара; Пермск. губ.; Уфа; Архангельскъ; Томскъ; Красноярскъ; Иркутскъ; Чита; Харбинъ. Стачки были въ слѣдующихъ промыслахъ: пароходостроит. зоводы; листопрокатные заводы; чугунполитейные заводы; металлургическіе заводы; механическіе заводы; желѣзодѣлательные заводы; желѣзно-дорожныя мастерскія; желѣзнодорожные рабочіе; рабочіе арсенала; мебельно-столярн. фабрики; прядильныя фабрики; ткацкія фабрики; ковровыя фабрики;

табачныя фабрики; картонныя фабрики; фабрики концертн. піанино; резиновая мануфактура; керосиновые промысла; рудокопы; рабочіе механическаго производства обуви; сапожныя мастерскія; каменоломни; заготовщики; гладильщики; рабочіе станц. электрич. силы; лѣсопильщики; столяры; слесаря; мельники; типографщики; трамвайщики; кондуктора и кучера конно-жел. дорогъ; портные; булочники; кондитеры; служ. почтамта.

Въ первой половинѣ 1904 года были стачки въ городахъ: Рига; Витебскъ; Таганрогъ; Юзовка; Кутаисъ; Баку; Бахмутъ, Екатеринославской губерніи; Тульча; Жлобино; Рогачевъ Волынскій; Кіевъ; с. Голта, Херс. губ.; Мусники; Никополь; Севастополь; Егорьевскъ, Рязан. губ.; въ промыслахъ: металлургическіе заводы; механическіе заводы; сахарорафинадные заводы; керосиновые промыслы; джутовая фабрика; табачныя фабрики; ткацкія фабрики; бумагопрядильныя фабрики; кондуктора и кучера конно-жел. дорогъ; портные; перчаточники; упаковщики; приказчики; булочники.

b) Демонстраціи.

Эпоха кризиса, конечно, была мало благопріятна для достиженія экономическихъ улучшеній. Не удавалось даже сохранить тѣ условія труда, которыя нерѣдко были завоеваны упорною борьбою въ предшествовавшій періодъ промышленнаго подъема. Заработная плата падала, рабочихъ разсчитывали тысячами, и администрація крупныхъ городовъ, опасаясь скопленія голоднаго и озлобленнаго рабочаго люда, на казенный счетъ насильственно отправляла безработныхъ на „родину“, въ деревни, съ которыми многіе рабочіе давнымъ давно уже порвали всякую связь, гдѣ у нихъ не было ни семьи, ни дома, и гдѣ имъ оставалось только умирать съ голоду или увеличивать собою штатъ тѣхъ рабовъ, которые за нищенскую плату обрабатываютъ земли нашихъ аграріевъ.

Неудивительно, что постепенно въ самыхъ широкихъ слояхъ рабочей массы начало распространяться, сначала смутное, а затѣмъ все болѣе и болѣе ясное пониманіе невозможности ограничиться въ своей борьбѣ за лучшую жизнь тѣсными стѣнами фабрики. Связь тѣхъ бѣдствій, которыя непрерывнымъ потокомъ обрушивались на рабочій классъ, съ общими основами современнаго строя начала проникать въ сознаніе русскихъ рабочихъ,

и въ самомъ ходѣ развитія русской экономической и общественной жизни пропаганда и агитація соціальдемократіи встрѣчала могучую опору. Особенно же очевидно становилась для массы невозможность сколько нибудь планомѣрной и успѣшной борьбы даже за мелкіе экономическіе интересы при существующемъ режимѣ азіатскаго деспотизма. Недовольство общимъ строемъ русской политической жизни, хотя бы и не отлившееся еще въ сознательное требованіе политической свободы, охватило такіе сѣрые слои рабочаго класса, которые вчера еще, можно сказать, спали глубокимъ политическимъ сномъ. Повышеніе чувства собственнаго достоинства; особо повышенная чувствительность къ тѣмъ униженіямъ, оскорбленіямъ и насиліямъ, которымъ на каждомъ шагу подвергается въ Россіи личность всякаго, не имѣющаго счастья принадлежать къ „верхнимъ десяти тысячамъ"; жгучая ненависть къ полиціи, какъ ближайшему орудію того угнетенія, которое лежитъ тяжелымъ бременемъ на „низшихъ классахъ"; постепенное исчезновеніе того полурабскаго, полумистическаго чувства преклоненія передъ „начальствомъ", которое оставила народу въ наслѣдіе крѣпостная эпоха; — вотъ въ чемъ проявлялось прежде всего наростаніе политическаго протеста въ отсталыхъ слояхъ пролетаріата. Вмѣстѣ съ этимъ, конечно, усиленно росло и число рабочихъ, довольно широко понимавшихъ задачи и интересы своего класса и сознательно становившихся подъ знамя соціальдемократіи. Подъ вліяніемъ примѣра, поданнаго студенческимъ движеніемъ, проявленіе нароставшаго политическаго недовольства вылилось въ форму демонстрацій.

Если иниціатива демонстрацій исходила вначалѣ отъ студентовъ, и первая демонстрація въ Петербургѣ — въ мартѣ 1901 г. — происходила во имя требованія академической свободы, то очень скоро главными организаторами ихъ стали соціальдемократическіе комитеты, а главными участниками — соціальдемократическая интеллигенція и организованные рабочіе. И обычнымъ знаменемъ, которое поднимали демонстранты, стало красное знамя съ надписями, требующими политической свободы и иногда, особенно при майскихъ демонстраціяхъ, восьмичасового рабочаго дня. „Долой самодержавіе" стало, — какъ съ невольнымъ остроуміемъ выразился одинъ сыщикъ, дававшій показанія на судѣ надъ саратовскими демонстрантами, — обычной „поговоркой".

Первою большою демонстраціею, въ которой горячее участіе приняли рабочіе, была харьковская демонстрація 19 февраля 1901 года. Демонстрація эта была устроена въ день сорокалѣтія освобожденія крестьянъ и организована студентами. Сначала собралось всего человѣкъ 60 студентовъ, но они были избиты казаками и арестованы. Вѣсть объ ихъ арестѣ быстро разнеслась по всему городу, и на мѣсто демонстраціи собралось много заводскихъ рабочихъ, ремесленниковъ и сочувствующей публики. Пѣли „Марсельезу", „Дубинушку" и „Волю". Во время пѣсенъ опять налетѣли казаки и сильно избили всѣхъ демонстрантовъ. Демонстрація продолжалась до самой ночи. Нѣсколько разъ возобновлялась свалка съ полиціей. Рабочіе защищались кольями. Арестовано было до 200 человѣкъ.

Еще большую роль играли рабочіе въ Московской демонстраціи 1901 года; началась она 23 февраля и повторялась нѣсколько дней подрядъ. Иниціаторами ея также были студенты. Съ 23 февраля начались студенческія волненія, вызванныя отдачею нѣсколькихъ петербургскихъ и кіевскихъ студентовъ въ солдаты за участіе въ „безпорядкахъ". Студенты и курсистки собирались около университета, требовали возвращенія товарищей съ военной службы, отмѣны „временныхъ правилъ" и возстановленія университетскаго устава 1863 года. На другой день, 24 февраля, къ студентамъ примкнуло много рабочихъ; весь день прошелъ очень бурно, въ большихъ сходкахъ передъ домомъ оберъ-полиціймейстера и въ многолюдныхъ процессіяхъ (больше 2.000 чел.), шествовавшихъ по всему городу. Казаки много разъ аттаковали толпу и били ее нагайками. Рабочіе пытались освободить арестованныхъ и заключенныхъ въ манежѣ студентовъ и уже выломали двери, но были разсѣяны нагайками казаковъ и конныхъ жандармовъ. 25 февраля возбужденіе достигло высшей степени, и десятки тысячъ рабочихъ и мастеровыхъ приняли участіе въ демонстраціяхъ. Утромъ демонстранты задержали натискъ казаковъ, мчавшихся во весь опоръ, устроивъ баррикаду изъ бульварныхъ скамеекъ. Демонстрація продолжалась цѣлый день, происходили много разъ стычки съ полиціей и казаками, и много разъ демонстрантамъ удавалось отбивать казаковъ, благодаря тому, что толпа, руководимая вожаками изъ интеллигентныхъ, сознательныхъ рабочихъ, проявляла удивительное единодушіе и дисциплинированность. Демонстраціи происходили въ пяти мѣстахъ города, баррикады тоже устраивались въ нѣсколькихъ мѣстахъ, пѣлись

революціонныя пѣсни и выкидывались революціонныя красныя знамена. За эти дни было арестовано больше тысячи рабочихъ и студентовъ. Послѣднее столкновеніе съ полиціей произошло 26 февраля. Для характеристики общественнаго настроенія стоитъ отмѣтить, что въ этомъ столкновеніи съ полиціей рабочимъ и студентамъ помогали приказчики-охотнорядцы, въ 1896 году вмѣстѣ съ полиціей избивавшіе манифестантовъ-студентовъ и издавна славившіеся, какъ усердные защитники „престолъ-отечества".

Вскорѣ послѣ этихъ бурныхъ дней въ Москвѣ произошла большая демонстрація въ Петербургѣ — 4 марта 1901 года. Въ ней также приняли участіе рабочіе, но болѣе пассивное, чѣмъ въ предыдущей. Возникла демонстрація по тому же поводу, что и въ Москвѣ. Иниціаторомъ и организаторомъ явилось главнымъ образомъ студенчество. На Казанской площади, по Невскому проспекту, собралось нѣсколько тысячъ демонстрантовъ, а вмѣстѣ съ сочувствующей публикой количество манифестантовъ доходило до 20.000 человѣкъ. Казаки еще съ ранняго утра были спрятаны въ сосѣднихъ съ площадью дворахъ. Какъ только собралась большая толпа демонстрантовъ, градоначальникъ вывелъ казаковъ и безъ всякаго предупрежденія приказалъ бить ее безпощадно нагайками. Безоружная толпа не оказывала никакого сопротивленія. Было много раненыхъ и около 1.500 человѣкъ арестованныхъ.

11 Марта 1901 года была небольшая демонстрація въ Казани; участниковъ было только 150 человѣкъ, благодаря тому, что еще наканунѣ полиціей были оцѣплены два главныхъ завода и дамба, соединяющая городъ со слободой, гдѣ сосредоточены главнымъ образомъ рабочіе.

Въ Кишиневѣ 11 сентяря 1901 года была небольшая демонстрація при проводахъ одного студента въ ссылку. Сначала на вокзалѣ собралась толпа человѣкъ въ 80; когда же она вышла на улицу, къ ней присоединилось нѣсколько сотъ рабочихъ. Проходя по городу, между прочимъ, подошли къ квартирѣ Крушевана, редактора „Бессарабца", извѣстнаго негодяя и антисемита — впослѣдствіи одного изъ иниціаторовъ еврейскаго погрома — гдѣ перебили стекла и кричали: „долой Крушевана".

Можно упомянуть еще нѣсколько небольшихъ демонстрацій, бывшихъ въ 1901 году:

Въ С-Петербургѣ 19 сентября 1901 года у Народнаго Дома Николая II; участвовало въ ней 400 рабочихъ. Вызванная на мѣсто демонстраціи пѣшая и конная полиція и эскадронъ жандармовъ окружили и арестовали почти всѣхъ демонстрантовъ.

7 ноября 1901 года въ Нижнемъ-Новгородѣ. Поводомъ къ демонстраціи послужила высылка Максима Горькаго изъ Нижняго-Новгорода. Участвовало 150 человѣкъ.

Въ Москвѣ 8 ноября 1901 года была демонстрація по тому же поводу, что и предыдущая. Демонстранты, 400 человѣкъ, хотѣли встрѣтить Максима Горькаго, ѣхавшаго изъ Нижняго-Новгорода въ Крымъ, но полиція высадила его, не довозя до Москвы, и демонстранты скоро должны были разойтись.

Въ Москвѣ же 18 ноября 1901 года опять была демонстрація по поводу неразрѣшенія литературнаго вечера въ память Добролюбова. Участвовало 500 человѣкъ.

2 декабря 1901 года въ Харьковѣ была демонстрація, организованная студенчествомъ; къ ней примкнуло много рабочихъ. Было вызвано нѣсколько сотъ казаковъ, страшно избившихъ и изувѣчившихъ многихъ демонстрантовъ. Это избіеніе послужило поводомъ къ двумъ демонстраціямъ въ Екатеринославѣ.

Въ Екатеринославѣ одна за другой произошли двѣ большія демонстраціи, 15 и 16 декабря 1901 года. 15 декабря сборнымъ пунктомъ былъ назначенъ Екатерининскій проспектъ, гдѣ собралось сначала 500 рабочихъ и студентовъ, потомъ къ нимъ присоединилось до 5.000 человѣкъ, вмѣстѣ же съ сочувствующей публикой и зрителями было до 15.000 человѣкъ. Демонстранты выкинули красное знамя съ революціонными надписями, пѣли революціонныя пѣсни и громко провозглашали: „долой самодержавіе", „да здравствуетъ политическая свобода", „да здравствуетъ соціальдемократія". Иниціаторами были студенты, поводомъ же къ демонстраціи послужило избіеніе студентовъ и рабочихъ въ Харьковѣ 2 декабря 1901 года и протестъ противъ университетскихъ порядковъ. Вызванные на мѣсто манифестаціи нѣсколько сотъ городовыхъ, казаковъ и жандармовъ безпощадно избили демонстрантовъ нагайками. Рабочимъ, вооруженнымъ лишь палками, удалось нѣсколько разъ отбить нападеніе и освободить многихъ арестованныхъ. На другой день, 16 декабря, демонстрація повторилась въ рабочемъ кварталѣ Чечелевкѣ, и въ ней приняло участіе 2.000 рабочихъ. Въ столкновеніяхъ съ полиціей и жандармами было пять раненыхъ; 63 человѣка арестовано.

Отмѣтимъ отдѣльно пять демонстрацій, устроенныхъ рабочими въ 1901 году по поводу празднованія 1 мая — въ Тифлисѣ, Харьковѣ, двѣ демонстраціи въ С.-Петербургѣ и Симферополѣ. Самая крупная (3.000) происходила въ Тифлисѣ 22 апрѣля (ст. ст.); несмотря на то, что полиція знала о ней заранѣе и готовилась, такъ что много рабочихъ было арестовано еще до демонстраціи, рабочіе все же хотѣли устроить ее во что бы то ни стало, и она удалась. Были красныя знамена, раздавались революціонные возгласы и пѣлись революціонныя пѣсни. Полиція и казаки отвѣтили ожесточеннымъ избіеніемъ демонстрантовъ нагайками, шашками и саблями. Рабочіе энергично защищались, были раненые какъ съ одной, такъ и съ другой стороны. Послѣ демонстраціи было арестовано больше ста человѣкъ, и г. Тифлисъ три дня былъ на военномъ положеніи.

Въ Харьковѣ 1 мая была манифестація, очень небольшая (70 чел.), столкновеній съ полиціей не было.

Въ С.-Петербургѣ же празднованіе маевки послужило поводомъ къ двумъ крупнымъ столкновеніямъ рабочихъ съ вооруженной силой на Выборгской сторонѣ и на Шлиссельбургскомъ

трактѣ (Обуховскій заводъ). Объ этихъ столкновеніяхъ мы уже упоминали при описаніи стачекъ.

Въ Симферополѣ 5 мая 1901 года была небольшая демонстрація; участвовало всего 100 человѣкъ, главнымъ образомъ, ремесленники и рабочіе табачныхъ фабрикъ. Демонстранты прошлись съ красными знаменами въ рукахъ и съ пѣніемъ „Марсельезы" по всему городу. Не понявъ на первыхъ порахъ смысла этой невиданной въ провинціальномъ городѣ манифестаціи, полиція вначалѣ услужливо расчищала дорогу демонстрантамъ, которые, выполнивъ свою задачу, разошлись совершенно спокойно.

Въ 1902 году рядъ демонстрацій открылся демонстраціей въ Кіевѣ 2-го февраля. Демонстрировали 2 дня подрядъ. Общее число демонстрантовъ и сочувствующей публики достигало 15.000 человѣкъ. Манифестанты выкинули три красныхъ знамени съ надписями: „свобода", „долой самодержавіе", „8 ми час. рабочій день", пѣли революціонныя пѣсни; раздавались крики: „долой самодержавіе", „да здравствуетъ политическая свобода", „да здравствуетъ соціальдемократія". Впродолженіе цѣлаго дня пѣшая и конная полиція, казаки и солдаты врывались въ толпу демонстрантовъ, вырывали знамена, избивали и разгоняли нагайками, но лишь только имъ удавалось это въ одномъ мѣстѣ, много тысячная толпа собиралась въ другомъ. Много было избитыхъ, раненыхъ, и 200 человѣкъ было арестовано. На другой день, 3-го февраля, манифестація опять повторилась. Въ ней, главнымъ образомъ, принимали участіе рабочіе; повторилось и избіеніе рабочихъ казаками. Демонстрація продолжалась оба дня до самой поздней ночи.

Въ февралѣ же были три небольшія демонстраціи: въ Екатеринославѣ 17-го февраля (200 чел.), въ Ростовѣ на Дону 19-го февраля (100 чел.) и въ Одессѣ 23-го февраля (50 чел.)

9-го февраля 1902 г. въ Москвѣ была, хотя и большая по количеству участниковъ, но не вполнѣ удачная демонстрація. Студенты, организаторы этой демонстраціи, назначили сборнымъ пунктомъ университетъ и собрались тамъ въ количествѣ 1.000 человѣкъ; но рабочіе не могли къ нимъ присоединиться, такъ какъ еще наканунѣ и въ день манифестаціи всѣ большіе заводы и фабрики были оцѣплены войсками, и рабочимъ не удалось прорваться къ сборному пункту. Студенты сначала забаррикадировались въ университетѣ, но ночью ворвались солдаты, и они сдались. Всѣ были арестованы и сосланы въ Восточную Сибирь [1]).

3-го марта 1902 года въ Петербургѣ была демонстрація, по количеству участниковъ хотя и не очень многочисленная, но за то по своему составу преимущественно рабочая. Были знамена, пѣлись революціонныя пѣсни, раздавались возгласы многотысячной толпы: „долой самодержавіе", „да здравствуетъ политическая свобода". Полиція, казаки и жандармы вырывали знамена и безпощадно избивали демонстрантовъ нагайками, шашками и саблями, рабо-

[1]) Вскорѣ почти всѣ были возвращены обратно.

чіе же энергично защищались палками. Арестовано 500 чел., много было также избитыхъ и раненыхъ; были раненые и со стороны полиціи.

Въ Тифлисѣ 21-го ноября 1905 г. была манифестація, въ которой приняло участіе 300 рабочихъ.

Майскія демонстраціи происходили въ этомъ году въ многихъ городахъ:

Въ Красноярскѣ была небольшая демонстрація 18 апрѣля 1902 года.

Демонстрація 18-го апрѣля въ Ростовѣ на Дону, хотя и собрала большую толпу (до 8000 чел.), но прошла не совсѣмъ удачно, такъ какъ организаторы — рабочіе затерялись въ толпѣ сочувствующихъ и не могли собрать вокругъ себя плотнаго ядра. Знамя было вырвано шпіономъ, и революціонныя пѣсни не удались.

Въ Баку 21 апрѣля 1902 г. была удачная демонстрація (5000 чел.), заранѣе подготовленная сознательными рабочими. До демонстраціи устраивались сходки и собранія, гдѣ распредѣлялись роли и намѣчался планъ дѣйствій во время демонстраціи. На знаменахъ, какъ и въ прокламаціяхъ, распространенныхъ во время манифестаціи, были выставлены требованія рабочихъ: „свобода", „8 ми часовой рабочій день" и др. Манифестація прошла съ полнымъ успѣхомъ, столкновенія съ полиціей не было.

Въ Харьковѣ 1-го мая провести большой демонстраціи не удалось, и этотъ день ознаменовался лишь волненіями на паровозостроительномъ заводѣ, которыя приняли довольно обостренную форму столкновенія съ полиціей.

День 1-го мая въ Сормовѣ начался разгромомъ конторы завода и канцеляріи пристава. Разгромъ этотъ былъ дѣломъ неорганизованныхъ рабочихъ. Потомъ подоспѣли организованные рабочіе и убѣдили первыхъ прекратить разгромъ и выйти на улицу. Всѣ рабочіе примкнули къ демонстраціи и выкинули красное знамя съ революціонными надписями: „долой самодержавіе", „да здравствуетъ политическая свобода", „да здравствуетъ 8-ми часовой рабочій день!" Полиція и солдаты накинулись на дамонстрантовъ и избили ихъ прикладами; безоружные рабочіе должны были уступить и разсѣяться. Нѣсколько человѣкъ интеллигентовъ и рабочихъ были арестованы и преданы суду.

5-го мая 1902 г. въ Саратовѣ произошла первая въ этомъ городѣ демонстрація, и довольно удачно. Демонстрантамъ удалось пройти съ развернутыми красными знаменами довольно значительное пространство. Знамена развѣвались минутъ 20. Произошла свалка съ полиціей и шпіонами, въ результатѣ которой нѣсколько человѣкъ было избито. Арестовано человѣкъ 50, изъ нихъ 15 было предано суду.

Въ 1903 году первая демонстрація произошла въ Одессѣ 17-го января. Размѣры ея были очень невелики. Демонстрировали человѣкъ 70 желѣзнодорожныхъ рабочихъ при отправкѣ товарищей въ ссылку.

Въ Томскѣ была демонстрація 18-го февраля того же года. Манифестація (200 человѣкъ демонстрантовъ и до 1000 зрителей) была устроена студентами и кончилась страшнымъ

избіеніемъ манифестантовъ полиціей. Это вызвало вторую демонстрацію, 20-го февраля, какъ протестъ противъ полицейскихъ насилій. Было до 3000 участниковъ и до 15.000 зрителей. Полиція, по требованію демонстрантовъ, была удалена, послѣ чего было произнесено нѣсколько рѣчей, и демонстранты разошлись.

23-го февраля 1903 г. была демонстрація въ Тифлисѣ, участниковъ было до 6000 человѣкъ.

2-го марта 1903 года произошла грандіозная манифестаціи въ Ростовѣ на Дону; о ней упоминается ниже.

2-го же марта 1903 года была также демонстрація въ Баку, устроенная въ память мартовскихъ событій предыдущихъ лѣтъ. Эта демонстрація была подготовлена и организована нашимъ комитетомъ. Демонстрація началась шествіемъ рабочихъ съ краснымъ знаменемъ и пѣніемъ марсельезы. Въ толпѣ разбрасывали прокламаціи. Полиція пыталась разогнать толпу, но была нѣсколько разъ отбита градомъ камней. Рабочихъ было больше 2.000 человѣкъ.

9-го марта 1903 г. была устроена грандіозная демонстрація въ Батумѣ, въ годовщину прошлогоднихъ безпорядковъ. Съ четырьмя развернутыми знаменами рабочіе обошли весь городъ съ пѣніемъ и крикомъ: „да здравствуетъ политическая свобода"; по дорогѣ разбрасывали прокламаціи и стрѣляли въ воздухъ изъ револьверовъ. Рабочихъ было 3.000 человѣкъ, и почти всѣ были вооружены. Полиція не оказала никакого сопротивленія.

Укажемъ еще рядъ другихъ манифестацій: въ Тулѣ 14-го сентября 1903 г. (200 чел.); въ Клинцахъ въ октябрѣ 1903 г. большая манифестація рабочихъ изъ-за продажи думой лѣса, принадлежащаго фабричному посаду. Волненія вспыхивали по этой же причинѣ нѣсколько разъ и, наконецъ, подъ вліяніемъ нашей Новозыбковской организаціи вылились въ грандіозную манифестацію въ октябрѣ, охватившую до 3000 рабочихъ; въ Томскѣ 27-го октября 1903 г. (300 чел.); въ Чахотурахъ (Кутаиской губ.) 4-го ноября 1903 г. (80 чел.); въ Александровскѣ (Екатер. губ.) 4-го ноября 1903 г. (500 чел.); въ Таганрогѣ 9-го ноября 1903 г. (200 чел.); въ Ригѣ 16-го ноября 1903 г. (1000 чел.); въ Батумѣ 19-го ноября 1903 г. (2.500 чел.); въ Митавѣ 12-го декабря 1903 г. (200 чел.)

Майскія демонстраціи въ этомъ году были устроены въ Балтѣ 7-го апрѣля. въ Кулашахъ (Кутаиск. губ.) 18-го апрѣля, въ Томскѣ 18-го апрѣля. Здѣсь участниковъ было до 5000 челов., пѣли революціонныя пѣсни, были красныя знамена; произносились рѣчи. Ораторовъ слушали съ громаднымъ вниманіемъ. Послѣ одной изъ рѣчей солдаты и полиція бросились на демонстрантовъ съ нагайками и обнаженными шашками. Рабочіе осыпали ихъ градомъ камней, солдаты и полиція отступили. Было нѣсколько раненыхъ.

Въ Смоленскѣ 26-го апрѣля (уч. 300 чел.). Въ Тифлисѣ 27-го апрѣля (уч. 500 чел.). Въ Баку 27-го апрѣля была грандіозная майская демонстрація въ 10.000 человѣкъ. Произошло нѣсколько столкновеній съ полиціей и войсками, но въ общемъ рабочіе устояли.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ (Сормово) 1-го мая была небольшая манифестація въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Въ Өеодосіи 1-го мая (уч. 45 чел.). Въ Тулѣ 4-го мая (уч. 120 чел.).

Въ Костромѣ 8-го мая (уч. 500 человѣкъ); окончилась страшнымъ избіеніемъ демонстрантовъ солдатами. Объ этой демонстраціи сказано ниже.

Изъ демонстрацій, имѣвшихъ мѣсто за первую половину 1904 г., можно указать слѣдующія:

Въ Ригѣ 1-го января 1904 г. Въ Тифлисѣ 5-го января 1904 г. (уч. 700 чел.). Въ Ростовѣ на Дону въ февралѣ (уч. 60 чел.). Въ Батумѣ 2-го февраля (уч. 100 чел.). Манифестація была устроена рабочими для протеста противъ организованныхъ полиціею „патріотическихъ" манифестацій. Въ Дерптѣ (Юрьевѣ) 19-го февраля(уч. 600 чел.). Въ Тифлисѣ 11-го апрѣля, во время которой было сильное столкновеніе съ полиціей. Было ранено 13 рабочихъ. Въ Митавѣ 1-го мая (уч. 70 чел.).

Изъ этого краткаго перечня болѣе замѣтныхъ демонстрацій видно, что нѣкоторое время онѣ стали какъ бы повальнымъ увлеченіемъ, и всѣ организаціи наперерывъ спѣшили какимъ бы то ни было образомъ вынести на улицу протестъ противъ самодержавія. И конечно, такія публичныя проявленія революціоннаго протеста имѣли огромное агитаціонное дѣйствіе, окончательно выводя революціонное движеніе изъ нелегальнаго подполья и заставляя сотни тысячъ обывателей на всѣ лады толковать о рабочемъ движеніи, о политической свободѣ, о звѣрствахъ полиціи и казаковъ и пр. пр. Если уже массовое распространеніе прокламацій давало знать о существованіи революціонныхъ организацій и ихъ дѣятельности широкому кругу городского населенія, то послѣ демонстраціи, послѣ выступленія на улицу, конечно, не могло быть ни одного человѣка въ городѣ, который такъ или иначе, со злобой или съ симпатіей, не говорилъ бы о революціонерахъ и о рабочемъ движеніи, который не слыхалъ бы — хотя бы подчасъ и въ самой нелѣпой формѣ — о происшедшей демонстраціи или „бунтѣ", который не задумывался бы и не разрѣшалъ бы по своему вопроса о смыслѣ всего происходившаго. Въ этомъ отношеніи, въ отношеніи пробужденія политическаго интереса въ массахъ городского населенія и популяризаціи со-

ціальдемократическихъ организацій, демонстраціи, несомнѣнно, сыграли крупную роль.

Значительную роль въ увлеченіи демонстраціями сыграло и настроеніе сознательныхъ организованныхъ рабочихъ. Пока борьба велась главнымъ образомъ на экономической почвѣ, стачки и ихъ подготовка давали нѣкоторый исходъ жаждѣ непосредственнаго дѣйствія. Съ переходомъ же организацій преимущественно къ политической агитаціи, активная, самостоятельная дѣятельность передовыхъ рабочихъ значительно сократилась. Агитація велась почти исключительно листками, составленіе которыхъ — уже по самому содержанію ихъ, затрагивавшему темы, менѣе доступныя рабочему, чѣмъ вопросы профессіональнаго характера — лежало цѣликомъ на обязанности комитета, состоявшаго почти всегда только изъ интеллигентовъ. На долю рабочихъ оставались такимъ образомъ лишь чисто техническія функціи распространенія. Пропагандистскіе кружки и рѣдкія немноголюдныя агитаціонныя собранія тоже не давали достаточнаго простора той жаждѣ активной дѣятельности, которая обуревала передовыхъ рабочихъ, насчитывавшихся въ этотъ періодъ сотнями въ каждомъ, сколько нибудь крупномъ городѣ. Имъ начинало казаться, что партія занимается только безконечными разговорами, словами, когда нужно дѣлать дѣло. Это впечатлѣніе еще усиливалось благодаря тому характеру, который по необходимости приняла на первыхъ порахъ политическая агитація. У партіи не хватало силъ, чтобы ввести хотя бы передовые слои рабочихъ въ весь кругъ конкретныхъ политическихъ вопросовъ, которые составляютъ дѣйствительное содержаніе русской общественной жизни. Приходилось въ значительной мѣрѣ ограничиваться чисто „схематической", абстрактной агитаціей противъ самодержавія, какъ принципа государственнаго строя — съ одной стороны, противъ капитализма, какъ принципа общественно-экономическаго устройства — съ другой. И обѣ эти категоріи выступали не столько какъ

облеченныя въ кровь и плоть явленія русской политической дѣйствительности, взаимно связанныя многообразными и часто весьма трудно поддающимися анализу нитями, а скорѣе какъ логическія обобщенія, какъ теоретическія формулы. И поскольку пытались связывать политическую и экономическую агитацію, эта связь строилась не столько на дѣйствительномъ изученіи реальныхъ взаимоотношеній различныхъ классовъ и группъ русскаго народа, съ ихъ сложной, имѣющей историческіе корни идеологіей, съ одной стороны и самодержавія — съ другой, сколько опять таки на общихъ положеніхъ о правительствѣ, поддерживающемъ имущіе классы противъ неимущихъ. Конечно, многіе товарищи чувствовали и понимали всю недостаточность такой постановки работы и дѣлали попытки слить политическую и экономическую агитацію въ единое соціалистическое цѣлое, встать на почву наличной политической жизни, но въ общемъ и цѣломъ агитація въ силу необходимости оставалась нѣсколько теоретичной, книжной. Это обстоятельство еще больше заставляло передовыхъ рабочихъ чувствовать, что имъ чего то не достаетъ, искать какого-нибудь выхода, какого-нибудь практическаго дѣла. И хотя участіе большинства передовыхъ рабочихъ въ подготовкѣ и организаціи демонстрацій въ сущности также не выходило изъ рамокъ чисто техническихъ функцій, но самая сложность дѣла, сопряженный съ нимъ рискъ, возможность хоть разъ дать волю накипѣвшему въ груди протесту заставляли ихъ съ упоеніемъ и увлеченіемъ отдаваться этому новому дѣлу. И рабочіе бросились на организацію демонстрацій со всѣмъ пыломъ, на который только способенъ борющійся пролетарій. Съ началомъ подготовки демонстраціи жизнь въ кругу организованныхъ рабочихъ начинала бить ключемъ, и долго еще послѣ нея, несмотря на всѣ жертвы, не улегалось вызванное смѣлымъ выступленіемъ возбужденіе.

Скоро, однако, начали обнаруживаться и отрицательныя стороны такого увлеченія. Прежде всего,

какъ ни велико бывало иногда скопленіе зрителей и какъ ни много было среди нихъ сочувствующихъ демонстрантамъ, активныхъ участниковъ демонстраціи обыкновенно было не особенно много, въ лучшемъ случаѣ нѣсколько сотенъ. Благодаря этому, демонстранты почти никогда не могли дать успѣшнаго отпора полиціи и казакамъ, набрасывавшимся съ шашками и нагайками и звѣрски избивавшимъ всѣхъ, попадавшихъ подъ руку. Плохая организаціонная подготовка демонстрацій также сказывалась. При такихъ условіяхъ проекты вооруженнаго отпора во что бы то ни стало, возникавшіе въ нѣкоторыхъ пылкихъ головахъ и пропагандируемые такъ называемыми соціалистами-революціонерами, могли бы привести лишь къ безплодному кровопролитію, и наша партія предостерегала отъ такой неразсчетливой тактики, совѣтуя обратить усиленное вниманіе на лучшую подготовку и организацію демонстрацій и не стремиться во что бы то ни стало множить ихъ число.

Но, кромѣ избіенія демонстрантовъ, демонстраціи почти всегда сопровождались массовыми арестами, а такъ какъ огромное большинство участниковъ стояло въ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи къ партійнымъ организаціямъ, и трудно было при такомъ публичномъ выступленіи соблюдать всѣ правила конспираціи, аресты эти нерѣдко вели къ разрушенію организацій, созданныхъ съ такимъ трудомъ.

Наконецъ — великолѣпное средство для подъема настроенія и политическаго пробужденія — демонстраціи не давали всего того, что съ нашей, соціальдемократической точки зрѣнія необходимо для дѣйствительнаго *классоваго* воспитанія пролетаріата. Между тѣмъ въ дѣятельности соціальдемократіи эта сторона вопроса, конечно, должна всегда стоять на первомъ планѣ. Такимъ образомъ задача изысканія методовъ такого воспитанія путемъ активнаго участія рабочихъ массъ въ политической дѣятельности партіи, оставалась открытой и послѣ періода демонстрацій.

c) 1902-1903 г. въ Тихорѣцкой, Ростовѣ на Дону и Костромѣ.

Въ началѣ мая 1902 года на станціи Тихорѣцкой Владикавказской желѣзной дороги, гдѣ имѣются желѣзнодорожныя мастерскія, произошла исторія, наглядно показавшая, съ какою напряженною нервностью относится рабочая масса ко всѣмъ проявленіямъ политическаго и общественнаго гнета, и съ какою силою готова она протестовать противъ насилія и произвола. Молодая, красивая дѣвушка Золотова — по оффиціальнымъ увѣреніямъ будто бы проститутка, — приглянулась ѣхавшему съ нею въ одномъ вагонѣ судебному слѣдователю. Такъ какъ она не уступала его настояніямъ, слѣдователь велѣлъ ее арестовать, будто бы по подозрѣнію въ кражѣ у него зонтика. И вотъ, въ сторожкѣ при станицѣ Тихорѣцкой несчастная подверглась ряду изнасилованій, сначала, какъ говорятъ, со стороны слѣдователя, потомъ, что несомнѣнно доказано, всѣхъ станичныхъ властей до часовыхъ казаковъ включительно, наконецъ, всѣхъ желающихъ, платившихъ по 20 коп. ся стражникамъ. Несчастная не выдержала этихъ мученій, отравилась или—это такъ и осталось не разъясненнымъ — была отравлена. Когда узнали объ этомъ рабочіе Тихорѣцкихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, они толпою бросились въ станицу, разнесли въ щепы сторожку разрушили станичное правленіе, жел. дор. станцію избили полицію и казаковъ. Ихъ энергичный протестъ не далъ замять эту исторію, какъ обыкновенно дѣлается въ Россіи въ подобныхъ случаяхъ. Правительство нѣсколько разъ производило слѣдствіе, опубликовало цѣлый томъ матеріаловъ, но, несмотря на всѣ его старанія обѣлить высшее начальство и свалить всю вину на однихъ рядовыхъ казаковъ, у всѣхъ осталось ясное впечатлѣніе, что тутъ дѣло не чисто. Это впечатлѣніе получило огромное подкрѣпленіе въ той обстановкѣ, при которой происходилъ судъ надъ пролетаріями, самоотверженно протестовавшими противъ гнусностей

застѣнка и — нужно ли прибавлять это? — оказавшимися единственными „обвиняемыми“ по этому дѣлу. Коронный судъ не только происходилъ при закрытыхъ дверяхъ, но защитникамъ было запрещено вообще касаться обстоятельствъ смерти Золотовой. Адвокаты удалились изъ залы, заявивъ протестъ противъ такого способа мѣшать раскрытію истины. И однако вся возмутительность этого дѣла была такъ очевидна, что всѣ обвиняемые отдѣлались самымъ непродолжительнымъ — на русскій масштабъ — арестомъ.

Эпоху въ развитіи русскаго рабочаго движенія составила стачка, вспыхнувшая 4 ноября 1902 г. въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ Владикавказской ж. д. въ Ростовѣ на Дону. Стачка была подготовлена и организована Донскимъ Комитетомъ нашей Партіи, формулировавшимъ въ своей прокламаціи требованія стачечниковъ. Требованія эти не выходили за предѣлы чисто профессіональныхъ интересовъ. Но съ первыхъ же дней забастовщики, въ количествѣ 4000, человѣкъ начали собираться во дворѣ мастерскихъ для совмѣстнаго обсужденія положенія дѣлъ. Къ стачкѣ начали присоединяться и другіе рабочіе: жел.-дор. депо, желѣзодѣлательнаго завода Пастухова (400 чел.), пекаря, желѣзодѣлательныхъ заводовъ Токарева и Дутикова, плугостроительныхъ — Аксай и Григорьева, цементнаго — Союзъ, табачныхъ фабрикъ — Асмолова и Работникъ. Нашъ Комитетъ рѣшилъ воспользоваться массовыми собраніями стачечниковъ и послалъ на сходку своихъ ораторовъ. Такъ какъ дворъ мастерскихъ, и по своей величинѣ и по своему мѣстоположенію, не удовлетворялъ потребностямъ сходки, то собранія были перенесены на окраину города. Сюда втеченіе цѣлой недѣли стекались тысячи (иногда сборища доходили до 30000 человѣкъ) народа слушать рѣчи, произносившіяся агитаторами Комитета. Сначала рѣчи на политическія темы съ призывомъ къ борьбѣ противъ самодержавія встрѣчали нѣкоторое неудовольствіе со стороны рабочихъ, особенно пожилыхъ, но затѣмъ

народъ сталъ самъ требовать рѣчей именно на эти темы. Происходило нѣчто невиданное и неслыханное въ Россіи: ежедневные многолюдные митинги подъ открытымъ небомъ, многотысячная толпа съ замираніемъ сердца внимающая смѣлымъ рѣчамъ о самодержавіи, о чиновничьемъ произволѣ и насиліи, о пристрастіи судовъ, о капиталистической эксплуатаціи, толпа, громкими криками отвѣчающая „да“ на вопросъ оратора: „нужна ли намъ политическая свобода?“. Тутъ же самая разнообразная публика, сбѣгавшаяся со всего Ростова, на невиданное зрѣлище: рабочіе, оставлявшіе мастерскія, чтобы пойти „послушать“ на сходку, мѣщане, купцы, чиновники, дамы въ экипажахъ съ лорнетками въ рукахъ. И тутъ же растерянное начальство, не знающее, что предпринять, полиція и казаки, слушающіе рѣчи соціальдемократическаго оратора.

Цѣлую недѣлю продолжались такіе митинги (и толпа заботливо укрывала ораторовъ, давая имъ возможность незамѣтно пробираться на сходку и возвращаться съ нея), пока начальство рѣшилось пустить казаковъ въ аттаку на толпу; но аттаки нѣсколько разъ были отбиты камнями, кольями, досками. И только одиннадцатаго ноября, когда уже сходка была распущена, и почти всѣ рабочіе разошлись, въ отвѣтъ на нѣсколько камней, брошенныхъ дѣтьми, казаки вдругъ произвели залпъ и, положивъ на мѣстѣ шесть убитыхъ и 12 тяжело раненыхъ, сейчасъ-же ускакали. Эти убійства не только не напугали толпу, но еще больше озлобили ее, и долго еще послѣ того продолжались такіе же ежедневные митинги, такія же рѣчи, такіе же протесты. И начальство уже не рѣшалось больше вмѣшиваться, ибо весь городъ былъ въ волненіи, симпатіи огромнаго большинства были на сторонѣ стачечниковъ, ждали возстанія, революціи.

Тайная типографія нашего Комитета работала неутомимо, сколько позволяли ея крайне скромные размѣры. Прокламаціи выходили ежедневно.

Всего ихъ было распространено 17 въ количествѣ болѣе 30.000 экземпляровъ. Слѣдуетъ отмѣтить поразительную выдержку и дисциплинированность, проявленную тысячами „сѣрыхъ" рабочихъ. Попытки шпіоновъ вызвать драку и замѣшательство систематически кончались неудачей. Толпа понимала, что это полицейскія затѣи, и молча выпроваживала изъ своихъ рядовъ шпіоновъ. Жандармскаго офицера, явившагося на сходку, рабочіе слушать не пожелали. Точно такъ-же отказывались они читать всѣ прокламаціи, на которыхъ не стояла красная печать нашего Донского Комитета.

Только 23 ноября стали рабочіе Владикавказской жел.-дор. на работу, и правительство могло массовыми арестами и высылками удовлетворить свою жажду мщенія.

Благодаря агитаціи нашего Комитета, ростовскія событія нашли откликъ и въ другихъ пунктахъ Владик. ж. д., гдѣ имѣются мастерскія: въ Новороссійскѣ, гдѣ забастовало 600 челов., и, особенно, въ Тихорѣцкой, рабочіе которой уже обнаружили столько мужества въ своемъ протестѣ по поводу смерти Золотовой. Здѣсь тоже происходили митинги, тоже говорились рѣчи и — увы! — тоже 5 убитыхъ и 17 тяжело раненыхъ были жертвой, принесенной пролетаріатомъ на алтарь борьбы за свободу! О легко раненыхъ, а также о тѣхъ звѣрствахъ, грабежахъ, изнасилованіяхъ женщинъ и проч., которыми слуги самодержавія, озлобленные вмѣшательствомъ рабочихъ въ дѣло Золотовой, праздновали въ Тихорѣцкой свою побѣду надъ пролетаріями, мы уже не говоримъ. Грабежи и изнасилованія—непремѣнный спутникъ всякаго „усмиренія", производимаго царскимъ правительствомъ надъ рабочими и крестьянами, и всякаго „нападенія" его на россійскихъ гражданъ, какъ это мы видѣли въ Кишиневѣ.

Ростовская стачка открыла новые пути и новые методы для соціальдемократической агитаціи, по своей интенсивности далеко превосходившіе все то, что казалось доступнымъ раньше, когда агитація велась почти исключительно прокламаціями или — въ рѣдкихъ случаяхъ — устно на небольшихъ собраніяхъ съ нѣсколькими десятками участниковъ. И хотя этой стачкой рабочіе не добились немедленнаго осуществленія своихъ требованій, вліяніе ея глубоко врѣзалось въ душу ростовскихъ рабочихъ.

Это наглядно выяснилось очень скоро—въ мартѣ слѣдующаго года, когда нашему Комитету съ организованными рабочими достаточно было явиться на поле, гдѣ происходила — остатокъ средневѣковыхъ обычаевъ — кулачная борьба, чтобы немедленно отвлечь всю многотысячную толпу (5-6000) зрителей отъ этого варварскаго зрѣлища и повести ее за собою въ городъ на демонстрацію. Снова весь Ростовъ высыпалъ на улицу, и полтора часа красовались надъ десятками тысячъ головъ два красныхъ знамени съ надписями: „Да здравствуетъ 8-ми часовый рабочій день" и „Да здравствуетъ политическая свобода". Полиція, не ожидавшая ничего подобнаго, потратила очень много времени, чтобы собраться съ силами. Толпа неоднократно отбивала ее, бросала ей подъ ноги проволоку. Все организованное ядро и знамена остались невредимы, большинство арестованныхъ пришлось скоро выпустить. Но въ свалкѣ полицейскій приставъ получилъ ударъ палкой по головѣ, отъ котораго и умеръ. Эта смерть стоила многихъ лѣтъ каторжныхъ работъ нѣсколькимъ товарищамъ, о чемъ мы еще скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

Скоро и на другомъ концѣ Россіи, въ Костромѣ, произошли событія, показавшія, что не только въ Ростовѣ бьется горячее пролетарское сердце, рвется изъ груди пролетарскій протестъ, накипѣвшее чувство озлобленія и недовольства. Костромская стачка наиболѣе поразительна тѣмъ, что въ ней значительно меньше, чѣмъ въ Ростовѣ, сказалось организаціонное руководительство нашей Партіи. Сами рабочіе устроили демонстрацію, пройдясь по всему городу съ красными знаменами и революціонными пѣснями къ дому губернатора. И здѣсь не обо-

шлось безъ жертвъ. Были вызваны войска. Озлобленные рабочіе разобрали мостовую и построили баррикаду. Солдаты стрѣляли, но количество жертвъ до сихъ поръ точно неизвѣстно. Затѣмъ началась обычная экзекуція...

d) Всеобщая стачка.

Ростовскія и Костромскія событія явились какъ бы непосредственнымъ прологомъ того грандіознаго движенія рабочихъ массъ, которое лѣтомъ 1903 года охватило весь югъ Россіи. Въ нихъ уже сказалось то напряженное ожиданіе невѣдомыхъ, крупныхъ грядущихъ событій, то нервное предреволюціонное настроеніе, та смутная вѣра въ какой то предстоящій общественный переворотъ, то мучительное сознаніе невозможности жить дальше такъ, какъ жилось до сихъ поръ, которое за послѣдніе годы стало обычнымъ для широкихъ массъ народа. И вотъ, на почвѣ этого настроенія зародилась и бурей пронеслась по всему югу стачка, по количеству участниковъ, по всеобщности, по тому особому настроенію, которымъ были проникнуты рабочіе, не много знающая себѣ равныхъ во всемъ мірѣ, не говоря уже о Россіи.

Забастовали рабочіе почти всѣхъ промысловъ, до 225.000 человѣкъ. Стачка подготовлялась постепенно. Еще въ апрѣлѣ и маѣ происходили многочисленныя частныя стачки и демонстраціи, вызванныя предмайской агитаціей нашихъ организацій. Рабочіе были въ возбужденномъ состояніи съ самаго наступленія весны. Въ Баку первыми забастовали рабочіе керосиновыхъ промысловъ 1 іюля, а 4 и 5 іюля стачка уже охватила весь городъ и окрестности. Въ Тифлисѣ настроеніе было подготовлено демонстраціей 1 іюля по поводу ссылки въ Восточную Сибирь 4 „политическихъ“. Во время этой демонстраціи было столкновеніе съ полиціей — ранено 5 рабочихъ, одинъ изъ нихъ умеръ въ тотъ же день. Первыми (14 іюля) забастовали рабочіе желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, приказчики и мелкія мастерскія, за ними поднялись и всѣ остальные рабочіе. Въ первой половинѣ іюля забастовали и Батумскіе рабочіе изъ симпатіи къ Бакинскимъ и Тифлисскимъ товарищамъ; настроеніе было подготовлено убійствомъ (въ концѣ іюня) одного рабочаго провокаторомъ и демонстраціей на похоронахъ этого рабочаго, которая собрала до 3.000 человѣкъ. 17 іюля бастовалъ уже весь городъ. Въ Одессѣ забастовку начали 1 іюля портовые (босяки) и желѣзнодорожные рабочіе Большого вокзала въ количествѣ 2.000. Ближайшимъ поводомъ къ стачкѣ послужило увольненіе изъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ одного рабочаго котельнаго цеха. 2 іюля забастовалъ уже весь Большой вокзалъ, а 4 іюля всѣ рабочіе порта и города. Прокламаціи, побуждающія рабочихъ къ всеобщей забастовкѣ, были распространены по всему городу. Подъ вліяніемъ усиленнаго распространенія листковъ и слуховъ о всеобщей стачкѣ въ другихъ городахъ, вспыхнуло сильное броженіе и въ Николаевѣ; даже массовые рабочіе говорили: „не хотимъ работать, когда другіе бастуютъ“. Первыми прекратили работу рабочіе котельной мастерской Французскаго завода. Съ криками: „да здравствуетъ стачка“ бросились они къ другимъ мастерскимъ и заводамъ, и всюду рабочіе присоединялись къ нимъ. Въ Кіевѣ комитетъ нашей организаціи 21 іюля обратился съ воззваніемъ ко всѣмъ типографщикамъ и желѣзнодорожнымъ рабочимъ съ призывомъ къ всеобщей стачкѣ и поддержкѣ Одесскихъ и Бакинскихъ товарищей. Въ тотъ же день бросили работу всѣ желѣзнодорожныя мастерскія, депо и рабочіе русскаго машиностроительнаго завода въ числѣ 4.000 человѣкъ. 22-го присоединились 1.400 типографщиковъ и рабочіе всѣхъ другихъ профессій. Въ Елисаветградѣ забастовку начали 28 іюля каменьщики (300 ч.), плотники (200 ч.), и рабочіе завода Яскульскаго, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ событій въ сосѣднихъ южныхъ городахъ, такъ какъ елисаветградскіе рабочіе даже не выставили никакихъ требованій. Послѣдними забастовали, уже послѣ окончанія забастовки въ другихъ городахъ, рабочіе городовъ Екатеринослава и Керчи. Въ Екатеринославѣ комитетъ нашей Партіи назначилъ забастовку на 7 августа, и, дѣйствительно, въ этотъ день бросили работу, сначала рабочіе желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, а затѣмъ и рабочіе другихъ заводовъ и ремесленники.

Во всѣхъ упомянутыхъ городахъ рабочіе, начавшіе забастовку, ходили тысячными толпами по городу и приглашали всѣхъ рабочихъ присоединяться къ нимъ: входили въ заводы и фабрики, давали гудокъ о прекращеніи работъ и потомъ объясняли рабочимъ, чего они хотятъ отъ нихъ; выпускали паръ изъ паровиковъ на заводахъ, пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ, заходили въ ремесленныя мастерскія, булочныя, магазины, на пристани; останавливали пароходы, срывали флаги и колокола, и призывали рабочихъ всѣхъ профессій, и даже военныхъ матросовъ, къ всеобщей стачкѣ; останавливали трамваи и конки, распрягали лошадей и отправляли ихъ въ депо. Большею частью рабочіе съ радостью присоединялись къ стачкѣ. Испуганные буржуа, при появленіи многотысячной толпы рабочихъ на улицѣ, закрывали передъ ними со страхомъ свои магазины. Рабочіе успокаивали ихъ, заявляя: „мы не грабители и не громилы, мы никого не тронемъ“. Бастовали рабочіе рѣшительно всѣхъ профессій: рабочіе всѣхъ заводовъ, фабрикъ и мастерскихъ, портовые рабочіе, начиная съ машинистовъ и кончая чернорабочими босяками, строительные рабочіе: плотники, ка-

меньщики, штукатуры, маляры, столяры, слесаря, трамвайщики, кондуктора и кучера конно-желѣзныхъ дорогъ, типографщики, булочники, караульщики, всевозможные ремесленники, подметальщики улицъ, мусорщики, ассенизаторы, ресторанная прислуга, приказчики, мельники, телеграфисты, мясники, носильщики, стрѣлочники и даже дворники, которые между прочимъ заявляли, что они желаютъ работать для хозяевъ, а ихъ заставляютъ работать для полиціи.

Въ трехъ Кавказскихъ городахъ количество участниковъ достигло 100.000 человѣкъ; въ Одессѣ — 50.000; въ Кіевѣ — 30.000; въ Николаевѣ — 10.000; въ Екатеринославѣ — 20 — 30.000; въ Елисаветградѣ — 20.000; въ Θеодосіи, Керчи и Конотопѣ по нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Своеобразенъ былъ видъ большихъ городовъ во время стачки: всѣ магазины, конторы, пекарни, мастерскія закрыты; конки и трамваи не ходятъ; извозчиковъ почти не видно; газетъ нѣтъ; поѣзда стоятъ на станціяхъ; горы товаровъ заваливаютъ платформы; пароходы и шхуны стоятъ въ рейдахъ приморскихъ городовъ безъ движенія. Продукты дорожаютъ. Нѣтъ ни хлѣба, ни мяса. Небольшое количество хлѣба берутъ съ бою. Нѣтъ ни электричества, ни газа, вечеромъ на улицахъ темно, а въ квартирахъ плохое освѣщеніе свѣчами. Улицы не подметаются, нѣтъ ни разнощиковъ, ни носильщиковъ, ни даже чистильщиковъ сапогъ. Полный застой торговой и промышленной жизни въ городѣ, но за то огромное оживленіе и возбужденіе города въ общественномъ отношеніи. Тысячныя толпы рабочихъ ходятъ по улицамъ, устраиваютъ сходки, митинги, на которыхъ социальдемократическіе ораторы произносятъ рѣчи, демонстраціи съ красными знаменами въ рукахъ. Раздаются революціонныя пѣсни и крики. Масса патрулей, полиціи, городовыхъ и солдатъ.

Въ прокламаціяхъ, десятками тысячъ распространенныхъ нашими организаціями, требованія были формулированы почти вездѣ одинаково: восьми (кое гдѣ девяти) - часовой рабочій день, увеличеніе заработной платы отъ 20 до 70 процентовъ и установленіе минимальной величины ея, отмѣна штрафовъ, вѣжливое обращеніе и рядъ мелкихъ требованій по улучшенію условій труда. Выпускались кромѣ того прокламаціи и съ требованіями чисто политическаго характера: созывъ всероссійскаго народнаго собранія, свобода стачекъ, союзовъ и собраній, свобода слова и печати, свобода совѣсти, свобода и неприкосновенность личности. Интересно, что въ Одессѣ видную роль въ подготовкѣ стачки играли организованные агентами Зубатова „независимцы". Ихъ глава, Шаевичъ, нѣсколько разъ выступалъ даже съ рѣчами. Но лишь только забастовка приняла громадные размѣры, она вышла изъ рамокъ маленькихъ, узкихъ экономическихъ требованій и приняла характеръ стихійнаго протеста противъ всего политическаго и экономическаго гнета. Тутъ уже организаторамъ „независимцевъ" пришлось стушеваться и сойти со сцены, такъ какъ сами рабочіе изгоняли ихъ со своихъ сходокъ. Такъ, когда на одно громадное собраніе рабочихъ явился Шаевичъ и обратился къ рабочимъ: „Чего вы хотите? Головой объ стѣну или сверлить ее?", тысячи рабочихъ единодушно закричали: „головой объ стѣну!" Шаевичу пришлось удалиться. Среди рабочихъ ходилъ даже по рукамъ, писанный самими рабочими, листокъ съ призывомъ: „долой обманъ, долой мелкія требованія, хотимъ большаго".

Въ Баку происходили ежедневныя массовыя собранія стачечниковъ за городомъ: обычно собиралось около 3.000 человѣкъ, но иногда число участниковъ и зрителей доходило до 20 — 30.000. На собраніяхъ социальдемократическіе ораторы произносили рѣчи. Ежедневно выходили прокламаціи на русскомъ, грузинскомъ, армянскомъ и татарскомъ языкахъ. Группы въ 400 — 500 рабочихъ останавливались на улицахъ, читали прокламаціи и слушали ораторовъ на глазахъ полиціи. Собранія устраивались при такомъ громадномъ скопленіи рабочихъ, что правительство не рѣшалось пустить въ ходъ войска, но демонстрація, устроенная во время забастовки, прошла не совсѣмъ удачно, такъ какъ демонстранты вскорѣ были разсѣяны нагайками казаковъ.. Когда же настроеніе рабочихъ улеглось и на сходки являлось уже меньше народу, устраивать собранія было уже труднѣе. Рабочихъ нагайками гнали на работу и заставляли исполнять ее подъ конвоемъ солдатъ. Подъ конецъ стачки бывали такія картины: ѣдетъ конка, а впереди, и сзади, около кондуктора и кучера, по солдату. Въ Тифлисѣ и Батумѣ, гдѣ стачка не приняла такихъ грандіозныхъ размѣровъ, какъ въ Баку, съ рабочими обращались еще болѣе безцеремонно. Такъ въ Тифлисѣ арестованныхъ пропускали „сквозь строй" казацкихъ нагаекъ. На станціи же Михайловка разыгралась ужасная драма. Рабочіе хотѣли отцѣпить паровозъ у подошедшаго поѣзда; на нихъ бросились стражники. Приставъ приказалъ стрѣлять, — и на мѣстѣ осталось 36 человѣкъ тяжело раненыхъ и убитыхъ. Въ Одессѣ, Кіевѣ и Екатеринославѣ происходили сходки и собранія, еще болѣе многолюдныя, чѣмъ въ Баку, въ десятки тысячъ рабочихъ. Бывали собранія въ 40-50 тысячъ рабочихъ. Наши организаціи ежедневно выпускали тысячи экземпляровъ прокламацій, которыя читались и передавались другъ другу на глазахъ у полиціи. Выступало много ораторовъ, нерѣдко изъ среды самихъ организованныхъ рабочихъ. Устраивали многократно шествія по городу съ красными знаменами въ рукахъ и революціонными пѣснями и криками. Происходили неоднократно столкновенія съ полиціей и войсками. Казаки и солдаты безпощадно били рабочихъ нагайками и штыками; рабочіе защищались палками и камнями, и нѣсколько разъ имъ удавалось отбить арестованныхъ во время демонстрацій. 19 іюля въ Одессѣ жестоко расправились съ кондукторами и кучерами конки. Ихъ заманили въ депо, тамъ связали и жестоко избили нагайками. Двое изъ нихъ вскорѣ умерли. Арестовывали сотни рабочихъ и страшно избивали; многіе умерли въ больницахъ. Въ Кіевѣ произошло кровавое столкновеніе съ полиціей на третій день забастовки, 23 іюля. Въ этотъ день желѣзнодорожные рабочіе, въ количествѣ 2.000 человѣкъ, легли на рельсы около паровоз-

наго депо, чтобы прекратить движеніе. На толпу были посланы казаки и полиція. Произошло столкновеніе, во время котораго летѣли камни, свистали нагайки, рубили шашки; раненые были съ обѣихъ сторонъ. Путь былъ очищенъ, и паровозы выведены изъ депо. Толпа опять собралась, къ ней приблизились войска и казаки во главѣ съ вице-губернаторомъ. Было приказано стрѣлять. Одинъ за другимъ раздались три залпа. Сразу было убито 4 рабочихъ и ранено 20; изъ нихъ нѣкоторые потомъ умерли. Послѣ этой бойни забастовка стала дѣйствительно всеобщей. Рабочіе прямо говорили: „вчера на вокзалѣ стрѣляли, а сегодня мы не будемъ работать"; „какъ не бунтовать? на фабрикахъ прижимки и обирательство, кругомъ — всякое начальство". 25 іюля повторилась бойня на Подолѣ. Во время скопленія громадной толпы рабочихъ, подростки разбили окна на мельницѣ Бродскаго и табачной фабрики Каца. Явились казаки и городовые и начали безпощадно бить рабочихъ нагайками; послѣдніе защищались камнями. Рота солдатъ выпустила въ толпу до 10 выстрѣловъ. Это страшно озлобило рабочихъ, и они еще возбужденнѣе стали бросать камни въ солдатъ. Наконецъ толпа стала расходиться, но тутъ войска дали въ тылъ рабочимъ 4 залпа — 3 убито, очень много ранено. Всего убито въ Кіевѣ во время всеобщей стачки 15 чел. и ранено 200; со стороны полиціи и казаковъ — человѣкъ 15. Столкновенія съ полиціей возобновлялись еще много разъ, но стрѣлять больше не рѣшались. Въ Екатеринославѣ полиція, казаки и солдаты страшно избивали рабочихъ нагайками съ желѣзными наконечниками и шашками. Въ одну изъ такихъ свалокъ, у Брянскаго завода, одна женщина подбѣжала къ офицеру и ударила его въ голову. Офицеръ, безъ всякаго предупрежденія, велѣлъ стрѣлять — 11 убито, изъ нихъ двое дѣтей, 13 тяжело (всѣ умерли) и 15 легко ранены. Въ Николаевѣ также происходили многократныя столкновенія съ полиціей, казаками и войсками, и чуть было не разыгралась такая же драма, какъ и въ Кіевѣ и Екатеринославѣ, когда рабочіе при выходѣ съ Черноморскаго завода встрѣтили солдатъ съ ружьями „на прицѣлъ". Однако одному рабочему удалось предотвратить бойню, убѣдивъ офицера, что рабочіе разойдутся, если солдаты возьмутъ „къ ногѣ". Грандіозное демонстративное шествіе рабочихъ по городу (10.000 чел.) обошлось безъ кровавыхъ столкновеній. Отдѣльныя же кучки рабочихъ были страшно избиты, много было раненыхъ и еще болѣе арестованныхъ. Въ концѣ концовъ и въ Николаевѣ, при столкновеніи рабочихъ съ войсками у элеватора, солдаты сдѣлали одинъ залпъ; нѣсколько человѣкъ было ранено, убитъ случайно проходившій старикъ. Рабочіе защищались камнями — убили одного околодочнаго и нѣсколько солдатъ ранили. Въ Елисаветградѣ рабочіе, возбужденные слухомъ объ убійствѣ 200 чел. рабочихъ въ Кіевѣ солдатами, при столкновеніяхъ съ полиціей и войскомъ оказали стойкое сопротивленіе, защищаясь дубинами, палками и камнями; имъ удалось отбивать солдатъ нѣсколько разъ. Ранили помощника пристава, шпіона и нѣсколько человѣкъ солдатъ. Арестовано было болѣе 50

рабочихъ. Товарищи пытались освободить ихъ, но это имъ не удалось, изъ боязни же предъ рабочими въ тюрьмѣ была поставлена рота солдатъ. Въ Керчи, при такой же попыткѣ освобожденія арестованныхъ, нѣсколько человѣкъ было убито и ранено выстрѣлами полиціи.

Мало по малу, однако, возбужденное настроеніе стихало, и рабочіе — неохотно, вяло — снова становились на работу.

Такъ постепенно улеглась эта война народнаго возбужденія, прокатившаяся по всему югу. Не ставя себѣ въ сущности никакихъ опредѣленныхъ, конкретныхъ цѣлей, рабочіе вылили въ форму всеобщей забастовки свое общее недовольство, какъ экономическимъ, такъ, пожалуй, еще больше — политическимъ положеніемъ своимъ. Съ гордостью видѣли они, какъ вся жизнь огромныхъ городовъ замирала, когда пролетарій складывалъ на груди свои руки, и чувство собственнаго достоинства, сознаніе первостепенной важности и значительности роли рабочаго въ общемъ ходѣ общественной жизни наполняло ихъ сердца радостнымъ удовлетвореніемъ. Пролетаріатъ осязательно почувствовалъ свою силу. И съ тѣмъ большей горечью и болью чувствовалось то униженіе и безправіе, которыя окружаютъ русскаго рабочаго человѣка. Политическое недовольство зрѣло и отливалось въ болѣе опредѣленныя формы. И конечно, десяткамъ тысячъ пролетаріевъ врѣзалось въ душу неизгладимыми чертами воспоминаніе о славныхъ дняхъ забастовки, о митингахъ и рѣчахъ ораторовъ, о трупахъ товарищей, павшихъ жертвою насилій самодержавія. Придетъ день — и, какъ показываетъ сама всеобщая стачка, онъ недалекъ — когда эти воспоминанія вспыхнутъ яркимъ пламенемъ, гнѣвомъ и жаждой борьбы отзовутся въ сердцахъ пролетаріата и воодушевятъ его на великій подвигъ низверженія русскаго деспотизма...

По всей своей обстановкѣ, по своему специфически классовому характеру всеобщая стачка явилась могучимъ орудіемъ подъема классоваго сознанія пролетаріата. Наши партійныя организаціи дѣлали все, что было въ ихъ силахъ,

чтобы использовать эти великіе дни для соціальдемократической агитаціи. Тысячи прокламацій пускались ежедневно въ обращеніе, и вездѣ, гдѣ было можно, раздавалось свободное слово соціальдемократа. Но конечно, нечего и говорить о томъ, что потребность въ соціальдемократическихъ газетахъ, брошюрахъ, прокламаціяхъ, ораторахъ безконечно превышала то, что мы могли предложить при всемъ напряженіи своихъ силъ. Какъ бы то ни было, всеобщая стачка еще разъ показала ту крѣпкую, неразрывную связь, которая уже установилась между русскимъ пролетаріатомъ и соціальдемократіей, и которую не удастся разорвать никакимъ демагогамъ, въ какіе бы „внѣклассовые" соціалистическіе плащи они ни рядились. Попытки соціалистовъ-революціонеровъ вмѣшаться въ ходъ стачки и ихъ призывы къ демонстраціямъ (подъ которыми они понимаютъ только шествіе по улицамъ города) во что бы то ни стало и насильственнымъ дѣйствіямъ прошли совершенно безслѣдно и не успѣли внести сколько нибудь замѣтной дезорганизаціи въ движеніе рабочихъ. Наши комитеты повсюду тщательно заботились о предотвращеніи той безполезной бойни рабочихъ, которая такъ легко могла возникнуть въ эти дни и надолго затопить въ морѣ крови начавшееся движеніе пролетаріата. Въ дни рѣшительной битвы съ самодержавіемъ мы сумѣемъ повести въ бой рабочіе батальоны, но считали бы преступнымъ преждевременно истощать рабочій классъ рядомъ кровопусканій. И безъ того слишкомъ много жертвъ уноситъ изъ среды пролетаріата каждый новый шагъ по пути къ освобожденію его и всего народа отъ гнета царизма!

e) Агитація по поводу войны.

Описанные нами эпизоды классовой борьбы пролетаріата показываютъ, въ какомъ настроеніи застало его объявленіе войны. Эта война, не оправдываемая даже интересами русскихъ господствующихъ классовъ, явилась плодомъ авантюристской политики самодержавія, въ погонѣ за золотомъ и властью и подъ гнетомъ народнаго недовольства ищущаго успѣховъ во внѣшнихъ приключеніяхъ. Можно смѣло сказать, что кромѣ небольшой кучки придворныхъ спекулянтовъ, съ великими князьями во главѣ, заполучившихъ всевозможныя концессіи въ Манджуріи и Кореѣ, да еще немногочисленной группы поставщиковъ военнаго вѣдомства, всѣ слои русскаго общества и народа недовольны войною. Патріотическія манифестаціи, организованныя при непосредственномъ участіи полиціи, жандармеріи и шпіоновъ, не имѣли рѣшительно никакого успѣха и очень скоро должны были прекратиться. Онѣ только лишній разъ вынесли на улицу обсужденіе политическихъ вопросовъ, а въ атмосферѣ того возбужденія, которое царитъ за послѣдніе годы въ Россіи, это пошло въ концѣ концовъ намъ на пользу.

Рабочихъ патріотическій чадъ почти не коснулся. По крайней мѣрѣ организаціи нашей партіи нигдѣ не замѣчали ни ослабленія связей въ рабочей средѣ, ни враждебнаго отношенія къ той анти-военной кампаніи, которую наша партія ведетъ самымъ энергичнымъ образомъ. Промышленный застой, необычайно усилившійся со времени объявленія войны, созывъ запасныхъ, насильственное вычитаніе изъ заработной платы такъ называемыхъ „добровольныхъ" пожертвованій на войну — конечно, еще меньше могли настроить рабочихъ на воинственный патріотическій ладъ. А обнаружившіеся немедленно же по начатіи войны недостатки правительственнаго механизма, вопіющія хищенія въ интендантствѣ, полная неподготовленность самодержавія къ той войнѣ, которую оно само такъ настойчиво провоцировало, неспособность командировъ, неумѣніе организовать сложное дѣло обезпеченія войска продовольствіемъ и боевыми снарядами, рядъ пораженій, свидѣтельствующихъ о культурномъ и техническомъ превосходствѣ японцевъ — все это дало богатый матеріалъ для агитаціи.

Агитація велась посредствомъ прокламацій, вы-

ходящихъ все время во множествѣ, и небольшихъ собраній, на которыхъ принимались резолюціи съ выраженіемъ протеста противъ войны и привѣта японскимъ соціалистамъ. Для примѣра агитаціи посредствомъ прокламацій приведемъ перечень листковъ, изданныхъ за время войны редакціей нашего Ц. О. — „Искры" (помимо статей, многія изъ которыхъ также распространялись въ массѣ перепечатокъ): 1) „За что долженъ умирать русскій солдатъ?"; 2) „Война противъ войны"; 3) „Ко всему рабочему народу" (причины войны и политика рабочаго класса); 4) „Международный жандармъ"; 5) „Ко всѣмъ запаснымъ рядовымъ"; 6) „Патріотическій грабежъ"; 7) „Жертвуйте, русскіе люди!" 8) „Къ обществу"; 9) „Кому помогать?"; 10) „Правдивое слово министра финансовъ"; 11) „Зачѣмъ нужны еврейскіе погромы?" (по поводу попытки правительства вызвать еврейскіе погромы во время войны); 12) „Кризисъ, безработица, война"; 13) „Уроки войны" (обзоръ за четыре мѣсяца); 14) „Къ солдатамъ"; 15) „Пора!" (война и безработица); 16) „Кто долженъ побѣдить?" (необходимость активнаго вмѣшательства пролетаріата съ требованіемъ прекращенія войны и созыва учредительнаго собранія). Кромѣ этихъ листковъ, перепечатанныхъ многими комитетами нашей партіи, и Ц. К. и мѣстные комитеты издавали еще и свои собственныя прокламаціи. Такъ что можно сказать безъ преувеличенія, что уже сотнями тысячъ экземпляровъ считаются распространенныя нашей партіей прокламаціи противъ войны. Была издана также особая брошюра: „Во что обходится народу война?", а рядъ статей въ „Искрѣ" пытался по возможности использовать весь доставляемый военными событіями агитаціонный матеріалъ.

И повторяемъ, несмотря на эту рѣзкую полемику противъ войны рабочій классъ не отвернулся отъ нашей партіи. А если вспомнить, въ какомъ настроеніи застала его война, можно съ полнымъ правомъ питать самыя свѣтлыя надежды относительно будущаго. Можно надѣяться, что именно

война послужитъ тѣмъ могучимъ тараномъ, который окончательно расшатаетъ прогнившее зданіе самодержавія, и что один побѣжденный будетъ въ этой войнѣ несомнѣнно — это русскій царизмъ!

f) Еврейскіе погромы.

Въ качествѣ примѣра роста классовой солидарности среди россійскаго пролетаріата укажемъ ту готовность, съ какою русскіе организованные рабочіе откликнулись на призывъ нашихъ комитетовъ придти на помощь евреямъ при устраиваемыхъ правительствомъ погромахъ. Въ ноябрѣ 1903 года, когда распространились слухи о готовящемся погромѣ въ Гомелѣ, Кіевскій комитетъ нашей партіи направилъ туда нѣсколько русскихъ рабочихъ изъ своей организаціи. Впечатлѣніе, произведенное этимъ фактомъ на еврейскую массу, было огромно. Во всѣхъ городахъ, гдѣ имѣются комитеты нашей партіи, были изданы прокламаціи къ рабочимъ, приглашавшія ихъ въ случаѣ погрома встать на защиту евреевъ. Въ этомъ году, когда по случаю войны правительство опять прибѣгло къ антиеврейской и антиармянской агитаціи съ цѣлью выжать деньги изъ еврейской и армянской буржуазіи и запугать пролетаріатъ, повсемѣстно была организована нашими комитетами самооборона. Этой организаціи, а также категорическому заявленію, что, если погромъ все таки начнется, организованные рабочіе дадутъ рѣшительный отпоръ (на необходимость такого отпора „Искра" указала немедленно послѣ Кишиневскаго погрома), слѣдуетъ въ значительной мѣрѣ приписать тотъ отбой, который очень быстро забило правительство. Погромовъ рѣшительно нигдѣ не было, и россійскій пролетаріатъ можетъ поздравить себя съ успѣшнымъ выполненіемъ той роли стража культуры и гуманности, которая въ Россіи, еще болѣе чѣмъ во всемъ мірѣ, выпадаетъ на его долю.

g) Зубатовщина.

Быстрый и непрерывный ростъ рабочаго движенія скоро обнаружилъ все безсмысліе надеждъ однѣми мѣрами полицейскаго насилія положить конецъ борьбѣ пролетаріата. Въ отношеніи самаго грубаго насилія, самыхъ безпощадныхъ жестокостей царское правительство дѣлало и дѣлаетъ все, что въ его силахъ. И все же волны пролетарской борьбы съ каждымъ годомъ вздымались все выше и выше и грозили залить ветхое зданіе самодержавія.

Если нельзя было окончательно прекратить рабочее движеніе, то тѣмъ соблазнительнѣе была мысль ввести его по возможности въ русло, не угрожающее существующему „порядку“. По самой природѣ своей самодержавіе и думать не могло о томъ, чтобы попытаться совершить этотъ поворотъ путемъ прогрессивныхъ соціальныхъ реформъ; ибо для этого ему надо было бы прежде всего упразднить самого себя. Оно пошло по другому пути, сходному съ тѣмъ, по которому уже пытались пойти въ свое время Наполеонъ III и Бисмаркъ, и по которому только и можетъ идти правительство, самый принципъ котораго враждебенъ прогрессивному развитію страны. Это путь полицейскаго развращенія передовыхъ элементовъ рабочаго класса, путь отвлеченія вниманія пролетаріата отъ широкой *классовой* постановки его борьбы къ такъ называемымъ *непосредственнымъ*, экономическимъ интересамъ минуты. И если шпіонско-провокаторскій характеръ всей затѣи въ Россіи бросается въ глаза такъ ярко, какъ онъ не бросался въ другихъ странахъ, то только потому, что такого рѣзкаго антагонизма между правительстомъ и всѣми потребностями экономическаго, соціальнаго и культурнаго развитія общества, какой существуетъ въ Россіи, не знали ни Франція, ни Германія эпохи Наполеона III и Бисмарка.

Въ другомъ мѣстѣ мы уже говорили, что иниціаторомъ этого прибавленія „пряника“ мнимаго

покровительства экономическимъ интересамъ рабочихъ къ тому историческому „кнуту“, въ которомъ искони воплощалось отношеніе царскаго правительства къ эксплуатируемымъ массамъ, иниціаторомъ этой политики „сердечнаго попеченія“ въ примѣненіи къ рабочимъ явился московскій жандармъ Зубатовъ. Свою славную карьеру шпіона, провокатора и палача этотъ господинъ началъ еще на школьной скамьѣ съ предательства кружка своихъ товарищей гимназистовъ. Цѣлый рядъ такихъ же подвиговъ привелъ его наконецъ на постъ начальника охраннаго отдѣленія въ Москвѣ. Здѣсь онъ и положилъ начало новой тактикѣ правительства по отношенію къ рабочимъ.

Прежде всего Зубатовъ попытался внести развратъ въ среду революціонеровъ; многимъ изъ политическихъ заключенныхъ въ московскихъ тюрьмахъ стали оказывать невиданныя льготы. Имъ позволяли выходить изъ тюрьмы въ театры и концерты, самъ Зубатовъ велъ съ ними длинные разговоры, убѣждая давать, по взаимному соглашенію съ нимъ и съ товарищами по дѣлу, показанія и обѣщая за это скорое освобожденіе изъ тюрьмы и сравнительно легкія наказанія. Въ то же время онъ распинался въ своей преданности рабочему дѣлу, увѣряя, что борьба за политическую свободу при данномъ положеніи дѣлъ есть лишь выраженіе стремленій буржуазной интеллигенціи и только вредитъ интересамъ рабочихъ; что правительство склонно дать рабочимъ свободу союзовъ и стачекъ и покровительствовать ихъ борьбѣ съ хозяевами, но его останавливаетъ политическая агитація соціальдемократовъ. Наконецъ, онъ указывалъ на тотъ „кризисъ“ марксизма, который начался на Западѣ и будто-бы подтверждаетъ его, Зубатова, воззрѣнія; при этомъ онъ рекомендовалъ для чтенія произведенія Бернштейна, Зомбарта, Горкнера и русскихъ „ревизіонистовъ“.

Нашлись среди заключенныхъ лица, которые— частью изъ разсчета, но еще болѣе искренно —согласились съ разсужденіями Зубатова и, опираясь на

этихъ лицъ, онъ сдѣлалъ попытку провести свою политику въ широкомъ масштабѣ. Прежде всего опытъ былъ прозведенъ въ районѣ еврейскаго рабочаго движенія, въ Минскѣ, гдѣ уже и до того часть приказчиковъ подпала подъ вліяніе зубатовскаго ставленника — жандарма Васильева. Здѣсь въ 1901 году была — съ благословенія и при непосредственномъ покровительствѣ жандармеріи—основана такъ называемая „Еврейская независимая рабочая партія“, ставившая себѣ задачей содѣйствовать экономической борьбѣ рабочихъ, рѣшительно отказываясь отъ всякой примѣси „политики“ и рѣзко протестуя противъ соціальдемократіи.

Въ томъ же году основано было „Общество взаимопомощи механическихъ рабочихъ“ въ Москвѣ. Главари этого общества дѣйствовали подъ непосредственнымъ руководствомъ московскаго охраннаго отдѣленія. На собраніяхъ общества рабочимъ твердили о покровительствѣ царскаго правительства, о необходимости ограничиться борьбой чисто экономическаго характера; тутъ же полицейскіе ораторы обличали соціальдемократію, какъ партію буржуазіи, и доходили до того, что публично читали и критиковали выдержки изъ „Искры“. Духовенство служило молебны, устраивало совмѣстныя пѣнія молитвъ; московскій епископъ благословлялъ собравшихся; учителя читали курсы русской исторіи въ извѣстномъ казенно-патріотическомъ стилѣ. Нашлись и профессора, согласившіеся — будемъ думать, лишь по свойственному профессорамъ всего міра недомыслію — читать рабочимъ лекціи, въ которыхъ они „научно“ обосновывали и прославляли зубатовскую политику, увѣряя, будто она знаменуетъ наступленіе новой „соціальной эры“.

Подобныя же общества были основаны въ той же Москвѣ (ткачей), Петербургѣ, гдѣ первое же выступленіе пріѣхавшихъ изъ Москвы организаторовъ было встрѣчено бурнымъ протестомъ рабочихъ, Одессѣ и другихъ городахъ. „Независимые“, какъ назывались эти приверженцы политики „пряника и нагайки“, становились виднымъ факторомъ политической жизни. Наша Партія въ цѣломъ рядѣ газетныхъ статей и прокламацій разъясняла рабочимъ истинный характеръ правительственной затѣи. Сначала рабочіе-соціальдемократы пробовали выступать и на устраиваемыхъ „независимыми“ собраніяхъ, но это скоро оказалось невозможнымъ, ибо по доносамъ присутствовавшихъ на всѣхъ собраніяхъ шпіоновъ, всѣхъ такихъ ораторовъ немедленно арестовывали.

Успѣхи зубатовщины достигли своего апогея въ московской манифестаціи, организованной полицейскими властями у памятника Александру II 19 февраля 1902 г. — въ годовщину освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Тысячи рабочихъ согласились принять участіе въ этой манифестаціи, тѣмъ болѣе, что въ ихъ глазахъ она означала не столько выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ, сколько празднованіе дня освобожденія. Кромѣ того всѣмъ участникамъ манифестаціи была обѣщана выдача заработной платы за этотъ день, а многимъ были выданы и особыя наградныя деньги.

Однако морочить рабочихъ одними обѣщаніями долго было невозможно. Отказавшіеся отъ политической борьбы рабочіе съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ ожидали экономическихъ улучшеній. Начался рядъ стачекъ, сейчасъ-же поставившихъ полицейскихъ агентовъ въ двусмысленное положеніе. Чтобы не утратить немедленно довѣрія рабочихъ, они должны были дѣлать видъ, что сочувствуютъ стачкамъ, и въ странѣ, гдѣ стачка считается уголовнымъ преступленіемъ, полиція оплачивала руководителей забастовки, а полиціймейстеръ пытался оказывать давленіе на фабрикантовъ. Желаніе овладѣть непокорнымъ рабочимъ движеніемъ заглушало всѣ другія соображенія. Но первый же шагъ въ этомъ направленіи вызвалъ самый рѣзкій отпоръ и протестъ со стороны московскихъ промышленниковъ. Московская биржа подала министру финансовъ жалобу на дѣйствія московской администраціи, а особое

совѣщаніе крупныхъ промышленниковъ составило даже секретную докладную записку, въ которой указывало, что такой образъ дѣйствій правительства заставитъ ихъ добиваться огражденія своихъ правъ конституціей. Поставленное межъ двухъ огней правительство должно было отступить и — несмотря на обѣщанія поддержки со стороны московской администраціи — стачка на шелковой фабрикѣ Мусси окончилась тѣмъ, что всѣ 1200 рабочихъ были разсчитаны, и полиціи пришлось на свой счетъ отправлять ихъ на родину, оказывать пособіе на время безработицы и пр.

И хотя Зубатовъ вскорѣ былъ назначенъ на должность чиновника особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ Плеве, а зубатовской политикѣ приданъ былъ такимъ образомъ ясно выраженный „всероссійскій" характеръ, значеніе ея было подорвано московской неудачей.

Еще болѣе сильный ударъ зубатовщинѣ нанесли событія въ Одессѣ во время всеобщей стачки 1903 года. Здѣсь демагогія „независимыхъ", успѣвшихъ завязать довольно широкія связи съ рабочими, по своему культурному уровню и боевому настроенію стоящими выше московскихъ, дала толчокъ сильному стачечному движенію, вышедшему далеко за тѣ предѣлы, которые рисовались въ замыслахъ иниціаторовъ. Мы уже описывали выше вкратцѣ всеобщую забастовку, и намъ незачѣмъ повторять здѣсь, что не къ такимъ формамъ пролетарской борьбы готово было поощрять рабочихъ царское правительство. Немедленно послѣ этихъ событій Зубатовъ былъ уволенъ въ отставку и высланъ изъ столицы въ провинцію, а его одесскіе клевреты арестованы и частью даже сосланы въ Сибирь.

Если зубатовскіе пріемы правительства въ отношеніи къ рабочему движенію и не прекратились вполнѣ; если зубатовскія общества еще продолжаютъ существовать и даже кое-гдѣ основываются вновь; то въ общемъ и цѣломъ правительство сознаетъ, что эта его затѣя потерпѣла полное кру-

шеніе, и „зубатовскія" начинанія еле влачатъ свое существованіе, играя роль совершенно второстепеннаго орудія борьбы съ соціальдемократіей. А по первоначальному замыслу своихъ иниціаторовъ зубатовская политика должна была сыграть роль универсальнаго средства противъ освободительной борьбы пролетаріата. Опираться одновременно на „пряники и нагайку" оказалось невозможнымъ, а если надо было выбирать, то царское самодержавіе конечно не могло не выбрать привычную нагайку.

h) Профессіональное движеніе.

Разочарованіе въ зубатовщинѣ и пониманіе невозможности построить свою политику на союзѣ съ полиціей не уничтожили однако окончательно присущаго широкимъ кругамъ рабочихъ стремленія организоваться на почвѣ профессіональной борьбы. Неоднократныя попытки такой организаціи неизмѣнно терпѣли крушеніе при столкновеніи съ политическими условіями русской жизни и такъ же неизмѣнно толкали рабочихъ къ болѣе широкой политической борьбѣ, подъ знамя соціальдемократіи.

Извѣстно, что въ концѣ 90-хъ годовъ въ средѣ русской соціальдемократіи появилось сильное теченіе, такъ называемый „экономизмъ", пытавшееся построить все рабочее движеніе на почвѣ профессіональныхъ интересовъ и профессіональной организаціи. Опытъ жизни скоро показалъ, какъ при такомъ направленіи сводится къ нулю самостоятельная роль рабочаго класса въ политической жизни страны, и какъ недостижима при русскихъ политическихъ условіяхъ та цѣль прочнаго улучшенія своего экономическаго положенія, ради которой приносились въ жертву болѣе широкіе интересы пролетаріата.

И единственная среди русскихъ рабочихъ сколько нибудь обширная профессіональная организація, при своемъ возникновеніи ставившая себѣ лишь узко профессіональныя цѣли, сейчасъ же должна была значительно измѣнить свою исходную точку

зрѣнія. Мы говоримъ о Московскомъ Союзѣ типографскихъ рабочихъ, возникшемъ въ сентябрѣ 1903 года и организовавшемъ ту стачку, о которой мы говорили въ другомъ мѣстѣ. Союзу этому, благодаря высокому культурному уровню типографовъ и особенно благодаря удачно проведенной стачкѣ, удалось довольно скоро организовать значительное число типографскихъ рабочихъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ уже бюджетъ его, достигавшій, напр., за время съ сентября по 15 ноября 1903 г. 1313 руб. А между тѣмъ однимъ изъ главныхъ источниковъ этого бюджета служатъ взносы самихъ организованныхъ рабочихъ. Такъ, за указанный періодъ эти взносы составляли 573 р.

Союзъ издаетъ свой собственный органъ, и первые номера стоятъ на почвѣ крайняго „экономизма“. Но очень скоро союзъ рѣшилъ принять программу Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи, и если не вошелъ еще окончательно въ ряды ея, то, главнымъ образомъ, изъ за организаціонныхъ соображеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилась и программа органа союза. Въ послѣднихъ №№ (пока ихъ вышло всего 5) редакція пытается, и довольно успѣшно, оцѣнивать событія общественно-политической жизни съ точки зрѣнія соціальдемократіи.

Трудно, конечно, предсказать, насколько долговѣчной окажется эта профессіональная организація. Особо квалифицированный составъ ея участниковъ и особыя условія ихъ работы, быть можетъ, сулятъ нѣкоторый успѣхъ этой интересной попыткѣ и въ русской политической обстановкѣ. Во всякомъ случаѣ вопросъ о тѣхъ формахъ, въ какія должны вылиться широкія профессіональныя организаціи при условіяхъ нелегальной дѣятельности, остается еще въ значительной мѣрѣ открытымъ. Нерѣшеннымъ остается и вопросъ о возможномъ и желательномъ организаціонномъ отношеніи такихъ профессіональныхъ союзовъ къ партіи.

i) Фабричное законодательство.

Въ отношеніи фабричнаго законодательства обозрѣваемый періодъ былъ въ высшей степени безплоденъ. Объясняется это прежде всего тѣмъ, что царское правительство не рѣшается вообще на сколько-нибудь серьезные законодательные акты въ какой бы то ни было области государственнаго управленія или соціально-экономическихъ отношеній. Опасеніе нарушить то крайнее неустойчивое равновѣсіе, въ которомъ пребываетъ весь общественно-политическій укладъ Россіи, парализуетъ руку самодержавія каждый разъ, какъ напоръ развивающейся жизни предъявляетъ ему тѣ или иныя требованія. Вотъ истинная причина, почему, несмотря на неоднократно возникавшіе проекты всевозможныхъ „реформъ“, торжественно возвѣщенные, между прочимъ, манифестомъ 26 февраля 1903 года, ни одинъ изъ нихъ не былъ въ дѣйствительности выполненъ.

Въ этомъ смыслѣ какъ нельзя болѣе характерна судьба возникшаго еще лѣтомъ 1902 года проекта закона о свободѣ стачекъ. Несмотря на всѣ полицейскія оговорки и ограниченія, превращавшія проектируемое „право“ стачекъ въ пустую комедію; несмотря на настоянія самихъ фабрикантовъ, крайне раздраженныхъ непрерывнымъ вмѣшательствомъ полиціи въ ихъ „домашнія“ дѣла, вмѣшательствомъ, превращающимъ нерѣдко мелкую и незначительную стачку въ крупные „безпорядки“; несмотря на „зубатовскій“ курсъ политики по отношенію къ рабочимъ; — проектъ такъ и остался проектомъ, не получивъ законодательной санкціи.

30 мая 1903 г. былъ изданъ законъ, въ значительной мѣрѣ подчиняющій фабричную инспекцію представителямъ полицейской власти — губернаторамъ. И до тѣхъ поръ русская фабричная инспекція, за малыми исключеніями, больше заботилась объ охраненіи такъ называемаго государственнаго „порядка“, чѣмъ о профессіональныхъ интересахъ рабочихъ. Съ изданіемъ же новаго закона

фабричные инспектора еще больше стали исполнять функціи полицейскихъ чиновниковъ, завѣдующихъ фабриками.

10 іюня 1903 года царь утвердилъ законъ о „старостахъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ“. Фабрикантамъ было дано „право“, съ дозволенія присутствій по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ, разрѣшать рабочимъ различныхъ цеховъ выбирать изъ своей среды кандидатовъ въ старосты, причемъ возрастъ этихъ кандидатовъ установленъ не моложе 25 лѣтъ; однако фабриканты могутъ по своему усмотрѣнію еще повысить этотъ предѣльный возрастъ. Фабриканты же назначаютъ изъ среды этихъ кандидатовъ старостъ. Старосты являются „уполномоченными“ рабочихъ по „дѣламъ, касающимся исполненія условій найма, а также быта рабочихъ“. Губернаторъ имѣетъ право во всякое время смѣщать старостъ. Вотъ всѣ „права“, которыя предоставляетъ новый законъ рабочимъ. Надо еще прибавить, что сколько-нибудь энергичное выступленіе старостъ въ защиту рабочихъ немедленно обращаетъ на нихъ благосклонное вниманіе полиціи, а послѣдствія такого вниманія достаточно извѣстны. Однако съѣздъ нашей партіи рекомендовалъ рабочимъ не отказываться отъ участія въ выборѣ кандидатовъ въ старосты, видя въ такомъ участіи извѣстнаго рода политическую школу и разсчитывая на тотъ агитаціонный матеріалъ, который при русскихъ условіяхъ неизбѣжно должны доставлять всякіе выборы. Будущее покажетъ, насколько правильна такая тактика; пока же дискуссія по этому вопросу еще не закончена, и многіе товарищи, подчиняясь рѣшенію съѣзда, въ то же время энергично настаиваютъ на необходимости устраненія отъ участія въ выборахъ, съ цѣлью подчеркнуть рѣзко отрицательное отношеніе къ попыткѣ правительства обмануть рабочихъ дарованіемъ имъ мнимаго „представительства“.

Намъ остается упомянуть еще только законъ 2-го іюня 1903 года о вознагражденіи рабочихъ за увѣчья. Основанія закона таковы:

Прежде всего законъ касается только рабочихъ фабричныхъ, горныхъ и горнозаводскихъ. Вознагражденіе полагается только за тѣлесныя поврежденія, причемъ фабрикантъ освобождается отъ отвѣтственности, если докажетъ, что „причиною несчастнаго случая былъ злой умыселъ потерпѣвшаго или грубая неосторожность его“. Такая оговорка, разумѣется, въ значительной мѣрѣ парализуетъ дѣйствіе закона, ибо какъ не быть „неосторожнымъ“ при безконечно длинномъ рабочемъ днѣ и возмутительныхъ техническихъ и санитарныхъ условіяхъ русскихъ фабрикъ. Еще больше сводится весь законъ на нѣтъ допущеніемъ добровольныхъ соглашеній о вознагражденіи съ потерпѣвшимъ или его семьей. Кто знаетъ волокиту и дороговизну русскихъ судовъ и исторически воспитанную нелюбовь къ нимъ въ средѣ рабочихъ, тотъ пойметъ, какъ часто рабочій и его семья будутъ предпочитать самое ничтожное „добровольное“ вознагражденіе всѣмъ мытарствамъ судебнаго иска. Самое вознагражденіе, къ какой бы категоріи ни принадлежалъ пострадавшій, опредѣляется по среднему поденному заработку чернорабочаго, устанавливаемому фабричными присутствіями, въ которыхъ засѣдаютъ представители отъ фабрикантовъ, но нѣтъ представителей отъ рабочихъ. Разумѣется, такія присутствія опредѣляютъ заработокъ непомѣрно низко. Напр., Варшавское присутствіе установило такія нормы поденной платы: для взрослаго мужчины — 54 коп., для женщинъ — 37 к., т. е. по крайней мѣрѣ въ $1^1/_2$—2 раза ниже дѣйствительнаго поденнаго заработка чернорабочихъ. Наибольшая сумма годовой пенсіи (въ случаѣ смерти или полной утраты работоспособности) опредѣляется въ $^2/_3$ „годового содержанія“, которое въ свою очередь получается изъ помноженія „средняго“ поденнаго заработка чернорабочаго на 260, какъ будто дѣйствительно только 260 дней въ году работаетъ русскій рабочій.

Изъ изложеннаго видно уже, какъ ничтожны выгоды, предоставляемыя рабочимъ новымъ зако-

номъ. Атмосфера же полицейскаго произвола, въ которой будетъ происходить примѣненіе новаго закона, позволяетъ съ увѣренностью предсказать, что и эти ничтожныя выгоды будутъ въ дѣйствительности еще больше урѣзаны. Объ этомъ съ достаточною убѣдительностью свидѣтельствуетъ судьба всѣхъ прежнихъ фабричныхъ законовъ, особенно закона о сокращеніи рабочаго времени. Цѣлый рядъ дополненій, исключеній, изъятій, и еще больше открытое попустительство фабричной инспекціи и полиціи привели къ тому, что въ дѣйствительности такъ называемыя сверхурочныя работы практикуются самымъ неограниченнымъ образомъ.

Законы самодержавнаго правительства не могутъ охранить экономическихъ завоеваній рабочихъ; ихъ охраняетъ только упорная борьба самихъ рабочихъ. И только тамъ, гдѣ эта борьба ведется неустанно, непрерывно; только тамъ, гдѣ фабриканту грозитъ стачка рабочихъ, только тамъ съ грѣхомъ пополамъ и соблюдаются еще изданные въ защиту труда законы; правда, лишь до тѣхъ поръ, пока застой въ дѣлахъ не лишитъ рабочихъ и этого орудія борьбы за лучшія условія труда...

III. Крестьянское движеніе и соціальдемократія.

Вопросъ о революціонной работѣ въ крестьянствѣ занималъ русскихъ соціалистовъ еще въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, когда общественное значеніе городского пролетаріата въ Россіи было еще очень ничтожно, и понятіе „народъ" можно было отождествлять съ крестьянствомъ. Революціонеры-„народники" 70-хъ годовъ ставили себѣ непосредственной задачей распространеніе соціалистическихъ идей въ деревнѣ. Но всѣ ихъ попытки постигла неудача, обусловленная политической отсталостью русской крестьянской общины и низкимъ развитіемъ классовыхъ противорѣчій въ ней. Съ конца 70-хъ годовъ большинство русскихъ революціонеровъ отказывается отъ попытки революціонизировать деревню, и только черезъ 20 лѣтъ, въ новой обстановкѣ, вопросъ о пропагандѣ и агитаціи среди крестьянъ становится вновь на очередь.

За эти 20 лѣтъ процессъ революціонизированія общественныхъ отношеній деревни сдѣлалъ гигантскіе шаги. Первоначальное равенство въ той нищетѣ, которую оставило русскимъ крестьянамъ пресловутое „освобожденіе" 61 года, смѣняется самой яростной борьбой за существованіе, изъ которой побѣдителемъ выходитъ небольшое меньшинство зажиточнаго крестьянства, концентрирующаго въ своихъ рукахъ значительную часть рабочаго скота, пахотной земли и улучшенныхъ орудій и отбивающаго у крестьянской массы всѣ земли, которыя можно получить въ аренду. На другомъ полюсѣ, рядомъ съ сравнительно немногочисленнымъ „чистымъ", безземельнымъ и безлошаднымъ пролетаріатомъ, обреченнымъ на наемный трудъ въ земледѣліи, накопляется та деревенская бѣд-

нота мнимыхъ собственниковъ и хозяевъ, которая характеризуетъ собой современную русскую деревню съ ея чисто-азіатскими голодовками и до-буржуазными формами эксплуатаціи, приближающей положеніе „рядового“ крестьянина къ положенію крѣпостного.

Хотя и очень медленно, благодаря препятствіямъ, которыя съ такимъ усердіемъ ставило самодержавіе, но все же культурный уровень деревни поднимался въ результатѣ просвѣтительной дѣятельности либерально-буржуазныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія—земствъ (съ 1889 г. крестьяне лишены права самостоятельнаго участія въ нихъ). На почвѣ, подготовленной буржуазіей, сталъ работать пролетаріатъ. Тысячи изгнанныхъ за стачки и демонстраціи рабочихъ, имѣвшихъ въ деревняхъ семьи, а иногда и болѣе или менѣе номинальную собственность, заносили въ сельскую жизнь сѣмена революціоннаго недовольства и политическіе запросы. То, что правительство запрещало дѣлать легально—распространять полезныя знанія и просвѣтительную литературу — то эти тысячи рабочихъ, для которыхъ въ городѣ книжка стала незамѣнимой потребностью, дѣлали „нелегально“, но оттого не менѣе успѣшно. И къ моменту, когда общій революціонный подъемъ захватилъ самые широкіе круги деревенской интеллигенціи — учителей, врачей и агрономовъ, — которая поставляетъ теперь главные кадры сельскихъ пропагандистовъ, — къ этому моменту въ деревнѣ уже имѣлись многіе крестьяне, готовые жадно внимать революціонному слову.

Какъ и въ другихъ классахъ населенія, эта подготовительная работа въ крестьянствѣ, совершенная рабочимъ движеніемъ, въ значительной мѣрѣ пошла на пользу другихъ партій. Живущее въ условіяхъ до-буржуазной эпохи, русское крестьянство въ своей массѣ слишкомъ еще далеко отъ тѣхъ общественныхъ интересовъ, разрѣшеніе которыхъ дастъ марксистскій, научный соціализмъ. Имущественный—т. е. земельный — вопросъ, волнующій наше крестьянство, не требуетъ для своего разрѣшенія *соціалистической революціи*; онъ болѣе или менѣе сносно можетъ быть разрѣшенъ *аграрной реформой*, какъ вопросъ о ликвидаціи отношеній между привиллегированнымъ сословіемъ—дворянствомъ и не вышедшимъ еще изъ крѣпостной зависимости отъ него крестьянствомъ. Поэтому *демократическая* агитація съ требованіемъ аграрной реформы имѣетъ всѣ шансы скорѣе увлечь крестьянъ, чѣмъ *соціалистическая* классовая борьба. Громадныя крестьянскія возстанія 1902 г., охватившія нѣсколько губерній и такъ жестоко раздавленныя царизмомъ, не имѣли въ себѣ ничего соціалистическаго, какъ не имѣетъ его всякая идея „раздѣла земель“, хотя бы на основѣ симпатичнаго мелкому хозяину „уравненія“ участковъ. Не выходятъ за рамки такихъ же революціонно-демократическихъ протестовъ и наполнившіе слѣдующіе годы многочисленные частные „бунты“ крестьянъ и такъ называемыя „аграрныя преступленія“, происходящія нынѣ постоянно во всѣхъ концахъ Россіи въ видѣ убійствъ помѣщиковъ, ихъ управляющихъ и полицейскихъ чиновъ, въ видѣ поджоговъ и захвата помѣщичьихъ земель.

Для систематической работы въ крестьянствѣ у нашихъ организацій, поглощенныхъ колоссальной работой въ городскомъ пролетаріатѣ, оставалось слишкомъ мало силъ, и дѣло пріобщенія крестьянъ къ рабочему соціалистическому движенію происходило, главнымъ образомъ, черезъ посредство соціалистическихъ брошюръ и газетъ, заносимыхъ въ деревню городскими рабочими. Лишь за послѣдніе два года нѣкоторыя наши организаціи могли отдать извѣстныя силы непосредственно дѣлу систематической пропаганды и агитаціи въ деревнѣ. Все чаще становятся соц.-дем. прокламаціи, выпускаемыя спеціально къ крестьянамъ; во многихъ мѣстахъ имѣются среди крестьянъ группы соц.-дем. пропаганды. О болѣе планомѣрной и успѣшной работѣ нашей партіи въ деревнѣ мы имѣемъ свѣдѣнія

изъ Новгородской губ. (особенно Бѣлозерскій уѣздъ, гдѣ существовала долгое время специальная „аграрная“ соц.-дем. организація), Московской, Тверской, Владимірской, Нижегородской, Воронежской, Самарской, Саратовской, Вятской, Херсонской, Таврической, Екатеринославской, Кіевской, Харьковской, Кубанской области. Нерѣдки теперь случаи, когда крестьяне празднують майскій праздникъ пролетаріата, подчасъ публичными демонстраціями. Но особенно значительные успѣхи сдѣлала соц.-дем. агитація среди крестьянъ *Кавказа*, ведущаяся систематически Кавказскимъ Союзомъ (особенно Гурійскимъ и Мингрельско-Имеретинскимъ Комитетами, работающими спеціально въ деревнѣ). И здѣсь начало крестьянскаго движенія связано съ массовыми высылками городскихъ рабочихъ въ деревню (изъ Батума въ 1902 году), подъ непосредственнымъ вліяніемъ которыхъ начались въ томъ же году значительные аграрные безпорядки на Кавказѣ, стоившіе крестьянамъ много жертвъ. Съ тѣхъ поръ кавказскіе крестьяне-социальдемократы сотнями перебывали въ царскихъ тюрьмахъ и десятками въ мѣстахъ ссылки. Движеніе не прекращается и еще въ нынѣшнемъ 1904 году проявилось энергичными демонстраціями въ день 1 мая, повлекшими за собой кровавую бойню съ убитыми и ранеными съ обѣихъ сторонъ.

Созданіе спеціально-приспособленной для агитаціи въ крестьянствѣ соц.-дем. литературы составляетъ теперь насущную задачу нашей партіи. Первымъ опытомъ въ этомъ направленіи была брошюра тов. Н. Ленина „Къ деревенской бѣднотѣ“, популяризирующая аграрную программу нашей Партіи.

Двойственный характеръ крестьянства, — какъ единаго сословія, скованнаго остатками крѣпостническихъ отношеній, съ одной стороны, и слоя земледѣльческаго и землевладѣльческаго населенія, внутри котораго уже развивается классовый антагонизмъ буржуа и пролетарія съ другой, — обусловилъ собою характеръ нашей аграрной про-

граммы. Поскольку капиталистическія отношенія уже укоренились въ деревнѣ, наша программа распространяетъ на сельскій наемный трудъ всю ту защиту, которой она требуетъ для наемнаго труда вообще, и ставитъ сельскому пролетаріату тѣ же ближайшія и конечныя задачи, которыя стоятъ передъ всѣмъ пролетаріатомъ. Поскольку же крестьянство, какъ сословіе, связано общей цѣпью крѣпостной кабалы, наша программа требуетъ его полнаго раскрѣпощенія и уничтоженія того экономическаго базиса, на которомъ, въ значительной степени, держится закабаленіе крестьянъ. Отсюда вытекаютъ требованія: 1) отмѣны выкупныхъ и оброчныхъ платежей за землю, полученную при „освобожденіи“, и всѣхъ специфическихъ крестьянскихъ повинностей, 2) отмѣны всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ крестьянина въ распоряженіи его землей, 3) возвращенія крестьянамъ всѣхъ взысканныхъ уже съ нихъ выкупныхъ и оброчныхъ платежей и конфискаціи съ этою цѣлью монастырскихъ и церковныхъ имуществъ и имѣній кабинетскихъ, удѣльныхъ и принадлежащихъ лицамъ царской фамиліи, а также обложенія особымъ налогомъ земель дворянъ, получившихъ выкупныя деньги; 4) учрежденія крестьянскихъ комитетовъ для возвращенія крестьянамъ тѣхъ земель, которыя были отрѣзаны у нихъ въ пользу помѣщиковъ при „освобожденіи“ и ликвидаціи уцѣлѣвшихъ въ разныхъ мѣстахъ специфическихъ формъ крѣпостническихъ отношеній; 5) контроля судовъ надъ арендными сдѣлками и цѣнами. Таковы основы, на которыхъ построена наша аграрная программа, принятая II съѣздомъ партіи. Эта часть программы болѣе всего вызвала дебатовъ на съѣздѣ и сейчасъ еще служитъ предметомъ дискуссіи среди товарищей.

IV. Внутренняя жизнь Партіи.

а) Ростъ партіи.

Число комитетовъ и мѣстныхъ организацій нашей партіи за разсматриваемый періодъ времени сильно возросло. И этотъ ростъ можетъ служить — хотя и не полнымъ — показателемъ роста соціальдемократическаго движенія.

Докладъ нашей партіи Парижскому конгрессу 1900 года могъ назвать всего шесть комитетовъ (Петербургъ, Москва, Иваново-Вознесенскъ, Кіевъ, Екатеринославъ, Харьковъ) и три болѣе или менѣе регулярно работавшихъ группы (Одесса, Николаевъ, Саратовъ) и указать на попытки соціальдемократической пропаганды и агитаціи кое-гдѣ на Уралѣ (Златоустъ и Екатеринбургъ), въ Нижнемъ-Новгородѣ, Ярославлѣ, Твери, Брянскѣ (Орловской губ.), Полтавѣ, Кременчугѣ и Ростовѣ на Дону. Между тѣмъ, въ настоящее время партія наша насчитываетъ 39 комитетовъ и 11 мѣстныхъ организацій, еще не успѣвшихъ завязать настолько прочныя связи и обезпечить непрерывный ходъ работы, чтобы превратиться въ комитеты. Всѣхъ же мѣстъ, гдѣ спорадически и случайно ведется соціальдемократическая пропаганда, перечислить невозможно, потому что пришлось бы назвать всѣ губернскіе и чуть не всѣ уѣздные города Россіи, не говоря уже о деревняхъ, гдѣ теперь тоже нерѣдко раздается вольное слово соціальдемократа-рабочаго, высланнаго „на родину", и появляется соціальдемократическая литература.

Сибирская желѣзная дорога съ ея обширными мастерскими привлекла много рабочихъ изъ Европейской Россіи, а вызванное ею оживленіе промышленной и общественной жизни создало и въ мѣ-

стномъ населеніи благопріятную почву для дѣятельности соціальдемократіи. Тысячи же сосланныхъ въ Сибирь соціальдемократовъ — рабочихъ и интеллигентовъ — выдѣлили изъ своей среды нужныхъ для возникновенія движенія организаторовъ, пропагандистовъ и агитаторовъ. Такимъ образомъ, и далекая Сибирь стала, хотя и для немногихъ товарищей — тѣхъ, которые поселены не слишкомъ далеко отъ линіи желѣзной дороги — мѣстомъ не только ссылки, но и работы. И хотя теперь все больше и больше начинаютъ поселять ссыльныхъ лишь въ самыхъ глухихъ мѣстахъ Сибири, за тысячи верстъ отъ желѣзной дороги, но брошенное сѣмя уже начинаетъ всходить, соціальдемократія пустила уже корни и въ Сибири, и теперь ничто не вырветъ ее оттуда, какъ не вырветъ и отовсюду, гдѣ только началось великое освободительное движеніе пролетаріата.

Вотъ списокъ мѣстныхъ комитетовъ и группъ нашей Партіи къ началу августа 1904 г.[1]).

Комитеты.

1. Архангельскій.
2. Астраханскій.
3. Сѣверо-Западный (Двинскъ, Витебскъ, Минскъ, Вильна).
4. Воронежскій.
5. Сѣверный (Ярославль, Кострома, Ив. - Вознесенскъ).
6. Донской (Ростовъ на Дону).
7. Донецкій Союзъ (Таганрогъ, Юзовка, Маріуполь, Славянскъ, Луганскъ и ихъ горный округъ).
8. Екатеринославскій.
9. Кіевскій.
10. Курскій.
11. Рижскій.
12. Полѣсскій (Клинцы, Новозыбковъ, Черн. губ., Гомель, Мог. губ.).
13. Московскій.
14. Нижегородскій.
15. Орловско-Брянскій.
16. Уральскій (Екатеринбургъ, Пермь, Уфа и весь уральскій горнозав. районъ).
17. Полтавскій.
18. Кременчугскій.
19. Петербургскій.
20. Самарскій.
21. Саратовскій.
22. Смоленскій.
23. Крымскій Союзъ (Ялта, Өеодосія, Керчь, Симферополь, Севастополь, Мелитополь).
24. Тверской.
25. Тульскій.
26. Харьковскій.
27. Елисаветградскій.

[1]) Мы опускаемъ многія группы, лишь примыкающія къ нашей Партіи, а также имѣющія спеціальныя функціи или не успѣвшія еще окончательно оформить свою организацію.

28. Николаевскій.
29. Одесскій.
30. Кубанскій.
31. Бакинскій.
32. Батумскій.
33. Тифлисскій.
34. Мингрельско-Имеретинскій.
35. Гурійскій.

(31—35: Объединены въ Кавказскій Союзъ.)

36. Читинскій.
37. Томскій.
38. Красноярскій.
39. Иркутскій.

(36—39: Объединены въ Сибирскій Союзъ.)

Группы.

1. Житомирская.
2. Александровская (Ек. губ.)
3. Бердичевская.
4. Бобруйская.
5. Васильсурская (Нижег. губ.).
6. Балтинская (Подольск. губ.).
7. Херсонская.
8. Черкасская.
9. Конотопская (Черниг. губ.).
10. Новороссійская.
11. Дерптская (Юрьевская).

Одновременно съ территоріальнымъ ростомъ нашей партіи росла и сфера ея вліянія. Мы уже говорили о работѣ среди крестьянства, начавшейся лишь за послѣдніе годы. Теперь же скажемъ нѣсколько словъ о той регулярной работѣ въ арміи и организаціонной дѣятельности среди учащейся молодежи, которая также представляетъ новое явленіе въ жизни нашей партіи.

Агитація въ арміи началась еще съ 1901 года и велась путемъ прокламацій, причемъ вначалѣ онѣ обращались почти исключительно къ офицерамъ и имѣли цѣлью не столько привлечь ихъ къ социальдемократіи, сколько просто заставить задуматься надъ тою позорною ролью палачей народа, которую они играютъ въ рукахъ самодержавнаго правительства. Однако и тогда уже были отдѣльныя попытки распространять прокламаціи такого же содержанія и среди рядовыхъ. Въ декабрѣ 1902 года возникла „Военно-революціонная организація“, состоящая изъ офицеровъ и тѣсно примыкающая къ нашей партіи, хотя и не вошедшая въ ея ряды. Вмѣстѣ съ тѣмъ началась и при отдѣльныхъ комитетахъ нашей партіи регулярная работа среди солдатъ, и не только путемъ прокламацій, но и при посредствѣ кружковъ, задающихся цѣлью выработать изъ входящихъ въ нихъ солдатъ сознательныхъ соціальдемократовъ. Особенно успѣшно идетъ работа въ этомъ направленіи на югѣ, и въ частности — среди матросовъ Черноморскаго флота. И за послѣдніе годы среди

„политическихъ преступниковъ“ появилась новая фигура — рядовой въ сѣрой солдатской шинели. Война дала поводъ распространить среди солдатъ и мобилизуемыхъ запасныхъ большое количество прокламацій; а доходящія до насъ свѣдѣнія показываютъ, что и на самомъ театрѣ войны революціонное слово соціальдемократіи будитъ умы и заставляетъ несчастныхъ жертвъ царскаго хищничества задумываться надъ тѣми порядками, которые погнали ихъ, невѣдомо зачѣмъ, умирать за тысячи верстъ отъ родныхъ очаговъ.

Русская учащаяся молодежь издавна пополняла собою ряды борцовъ революціи, и соціальдемократія не составляла въ этомъ отношеніи исключенія. Наоборотъ, ясность и опредѣленность нашей программы; явная революціонность русскаго пролетаріата; дискредитированіе старыхъ народническихъ предразсудковъ, приведшихъ революціонную интеллигенцію въ тупой уголъ, изъ котораго лишь марксизмъ сумѣлъ указать выходъ; вліяніе западноевропейскаго рабочаго движенія, — всѣ эти факторы соединились, чтобы обезпечить нашей партіи на долгое время преобладающее сочувствіе въ средѣ революціонно-настроенной учащейся молодежи.

За послѣдніе годы болѣе серьезно былъ поставленъ вопросъ о надлежащей теоретической и практической подготовкѣ учащихся къ той роли пропагандистовъ и агитаторовъ, которую они должны впослѣдствіи выполнять въ рядахъ партіи. Не говоря уже о студентахъ-соціальдемократахъ, имѣющихъ свои организаціи при всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и учащіеся старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній — мужскихъ и женскихъ — организовались за послѣдніе годы довольно прочно. Размѣры нашего очерка не позволяютъ намъ долѣе останавливаться на этомъ вопросѣ; поэтому мы ограничимся указаніемъ, что эти гимназическіе кружки не только посвящаютъ свое время теоретическому изученію соціализма, но — особенно въ тѣхъ городахъ, гдѣ не

имѣется высшихъ учебныхъ заведеній — оказываютъ весьма серьезныя практическія услуги организаціямъ нашей партіи; изъ своей среды онѣ выдѣляютъ не только исполнителей чисто техническихъ функцій, но подчасъ и пропагандистовъ для рабочихъ кружковъ.

b) Экономизмъ и Рабочее Дѣло.

Одновременно съ ростомъ партіи совершался и процессъ ея внутренняго развитія, общія черты котораго мы постараемся кратко обрисовать въ нижеслѣдующихъ строкахъ.

Въ отличіе отъ западно-европейскаго соціальдемократическаго рабочаго движенія, русская соціальдемократія выступила вначалѣ на историческую сцену не какъ организація передового слоя пролетаріата, въ процессѣ политической борьбы пришедшаго къ сознанію своихъ классовыхъ интересовъ; она зародилась прежде всего какъ организація части революціонной интеллигенціи, разочаровавшейся въ прежнихъ методахъ своей борьбы за свободу и понявшей, что въ капиталистически развивающейся Россіи, только пролетаріатъ можетъ дать надежную опору для борьбы съ царизмомъ. Чтобы придти къ такому убѣжденію, русская интеллигенція должна была пережить огромный переворотъ въ своемъ міровоззрѣніи. Народничество, подъ знаменемъ котораго боролось такъ долго русское революціонное движеніе, успѣло создать цѣлую стройную систему соціально-политическихъ взглядовъ, въ основѣ которой лежало представленіе о „самобытномъ“ ходѣ развитія Россіи, которое *можетъ* и, при *планомѣрныхъ* усиліяхъ интеллигенціи, *должно* привести ее прямо отъ крестьянской общины въ царство соціализма. Въ связи съ такимъ представленіемъ стояло признаніе невозможности развитія капитализма въ Россіи и необходимости искать опоры соціалистическимъ стремленіямъ прежде всего въ крестьянствѣ.

Чтобы разрушить эту традиціонную идеологію и оправдать теоретически свое тяготѣніе къ го-

родскому рабочему классу, нужно было прежде всего начать съ доказательства возможности и даже неизбѣжности капитализма въ Россіи, и, уже исходя изъ этой основной предпосылки, приступить къ переоцѣнкѣ соціально-политическаго вѣса всѣхъ классовъ русскаго народа и, прежде всего, крестьянства. Для такой критики народничества, критики, которая, въ противовѣсъ субъективнымъ настроеніямъ и традиціямъ интеллигенціи, должна была опереться на объективно необходимую связь соціальныхъ явленій, марксизмъ давалъ незамѣнимое оружіе. Подъ знаменемъ марксизма совершился поворотъ русской интеллигенціи отъ утопическаго народническаго, крестьянскаго соціализма къ соціализму пролетарскому, рабочему[1]).

Но какъ бы остро ни было отточено въ этой борьбѣ съ народничествомъ теоретическое оружіе зарождавшейся русской соціальдемократіи, ея политическая практика на первыхъ порахъ была крайне бѣдна. Не надо забывать, что не только соціальный составъ русской соціальдемократіи въ эту эпоху отличался своеобразіемъ. Своеобразны были и тѣ соціально-политическія условія, въ которыхъ пришлось соціальдемократіи начать свою боевую кампанію. Развивающееся капиталистическое общество, сдавленное тисками абсолютизма съ его крѣпостническими аттрибутами, съ одной стороны, и рабочій классъ, еще не пробудившійся къ политической жизни и политическимъ интересамъ, никогда не ведшій еще политической борьбы, хотя бы и подъ руководствомъ буржуазіи, съ другой, — таковы были два наиболѣе выдающіеся момента наличной исторической обстановки. И отсюда уже вытекаетъ для русской соціальдемократіи задача: сохраняя характеръ пролетар-

[1]) Мы игнорируемъ здѣсь совершавшійся одновременно, и тоже подъ знаменемъ марксизма, хотя и окрасившагося очень скоро въ цвѣтъ „ревизіонизма“ — процессъ освобожденія значительной части интеллигенціи отъ соціализма вообще и переходъ къ чистому буржуазному демократизму и либерализму (г. Струве и его единомышленники).

ской партіи, ставящей себѣ конечною цѣлью освобожденіе пролетаріата отъ ига *капиталистической* эксплуатаціи, въ то же время взять на себя и огромную часть бремени борьбы за демократическую свободу, борьбы противъ *абсолютистско-крѣпостническихъ* пережитковъ за условія развитія *капиталистическаго* общества, бремени, которое вездѣ на Западѣ несли передовые отряды самой буржуазіи.

И прежде всего, нужно было связать себя съ рабочими массами и втянуть рабочій классъ въ сферу политическихъ интересовъ вообще. Естественна была мысль исходить при такомъ „вовлеченіи" рабочихъ въ политическую борьбу изъ ихъ непосредственныхъ, повседневныхъ интересовъ, прежде всего, конечно, экономическихъ. Начавшееся въ половинѣ 90-хъ годовъ широкое стачечное движеніе заставило соціальдемократію еще больше сосредоточить свои силы на руководствѣ профессіональнымъ движеніемъ рабочихъ и агитаціи на почвѣ этихъ интересовъ. Эта, по необходимости ограниченная, политическая практика очень скоро была возведена въ теорію, и такъ называемый „экономизмъ" овладѣлъ умами значительной части русскихъ соціальдемократовъ.

Сущность „экономизма", послѣдовательной выразительницей котораго была газета „Рабочая Мысль" (осн. въ 1897 г.), сводилась въ общихъ чертахъ къ представленію, что борьба за политическую свободу есть дѣло буржуазіи, „чисто рабочіе" же интересы требуютъ прежде всего борьбы профессіональной, борьбы лишь съ непосредственно ощущаемыми массой притѣсненіями и за непосредственно сознаваемые ею интересы. Въ конечномъ счетѣ, такая постановка вопроса сводилась къ ограниченію самостоятельности рабочаго движенія лишь сферою профессіональной борьбы и отказу отъ организаціи самостоятельной *политической* рабочей партіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ соціализма въ его научномъ видѣ. Но такъ какъ всѣ соціально-политическія условія Россіи неизбѣжно должны были рано или поздно поставить лицомъ

къ лицу народъ и царизмъ; такъ какъ и сама профессіональная борьба рабочихъ непрерывно наталкивалась на преграды, созданныя абсолютизмомъ; такъ какъ ни передовые рабочіе, ни революціонно настроенные интеллигенты не могли подавить въ себѣ жажды политической свободы, — то, объективно, „экономизмъ" долженъ былъ привести къ такому положенію, когда рабочіе, организуясь самостоятельно для борьбы за свои профессіональные интересы, борьбу за политическую свободу вели бы лишь въ качествѣ недовольной аморфной массы. При наличныхъ соціально-политическихъ условіяхъ это означало бы, конечно, гегемонію буржуазныхъ фракцій въ борьбѣ за политическую свободу, низведеніе рабочаго класса до роли простого орудія въ рукахъ буржуазіи, а тѣмъ самымъ подрывался бы самый смыслъ существованія русской соціальдемократіи.

Сами сторонники „экономизма" не дѣлали этихъ крайнихъ выводовъ изъ занятой ими позиціи и не понимали всего ея политическаго значенія. Но явилась „марксистская" фракція, которая и эти выводы отчетливо формулировала въ своемъ „символѣ вѣры" (Credo). Эта фракція положила начало тому чисто либеральному направленію, которое представлено теперь органомъ г. Струве — „Освобожденіе".

Теоретическому обоснованію „экономизма" сильно содѣйствовало „ревизіонистское" теченіе въ западно-европейской соціальдемократіи. Та же самая книга Бернштейна, которая на Западѣ дала опору преувеличенной оцѣнкѣ самодовлѣющаго значенія парламентской политической борьбы, у насъ послужила для теоретическаго обоснованія мнимаго отказа отъ политической борьбы и ограниченія своихъ задачъ областью „экономики". Такъ въ разной, подчасъ противоположной, формѣ сказывались тѣ же самыя буржуазныя тенденціи ревизіонизма!

Появленіе „Credo", съ его опредѣленной и ясной постановкой вопросовъ, открыло глаза многимъ соціальдемократамъ на опасности той по-

зиціи, которую занялъ „экономизмъ". Да и ранѣе полный, принципіальный отказъ „экономистовъ" отъ политической борьбы билъ въ глаза своею несообразностью при русскихъ политическихъ условіяхъ и не могъ надолго стать символомъ вѣры той революціонной интеллигенціи, которую жажда свободы прежде всего толкнула въ ряды соціальдемократіи. Но въ то же время убогость русской политической дѣйствительности, отсутствіе широко развитой политической жизни, относительно слабое соціальное разслоеніе народа, малая степень политической сознательности рабочихъ массъ, — не давали *объективныхъ условій* ни для дѣйствительно широкой постановки соціальдемократической политики, ни для широкаго политическаго воспитанія революціонеровъ-соціальдемократовъ, какъ интеллигентовъ, такъ и передовыхъ рабочихъ.

„Рабочее Дѣло" (осн. въ 1898 г.) выразило въ своей программѣ это промежуточное состояніе: пониманіе необходимости участія соціальдемократіи въ политической борьбѣ и неумѣнье поставить это участіе на дѣйствительно соціальдемократическую почву. Отъ „экономизма" „Рабочее Дѣло" унаслѣдовало цѣнную черту его — пониманіе необходимости тѣсной связи съ рабочей массой; но отъ него же унаслѣдовало оно и непониманіе дѣйствительныхъ цѣлей и методовъ соціальдемократической борьбы, равнодушное отношеніе къ марксистской теоріи, симпатіи къ „ревизіонизму" или — въ лучшемъ случаѣ — непониманіе всей реакціонности этого „критическаго" пересмотра марксовой „догмы".

При такихъ условіяхъ, борьба рабочаго класса за политическую свободу представлялась „Рабочему Дѣлу" въ видѣ привѣска къ профессіональной борьбѣ рабочихъ и ея непосредственнаго продолженія. Вести политическую борьбу пролетаріатъ долженъ былъ постольку, поскольку профессіональная борьба наталкивала его на „политику". „Чисто рабочими" политическими вопросами яв-

лялись такимъ образомъ лишь вопросы, *непосредственно* вытекающіе изъ повседневныхъ экономическихъ нуждъ пролетаріата. Политическія задачи, которыя долженъ ставить себѣ въ этой борьбѣ рабочій классъ — это завоеваніе „осязательныхъ" практическихъ результатовъ, въ видѣ свободы стачекъ, союзовъ и т. п. И лишь впослѣдствіи, на извѣстной „стадіи" развитія движенія, рабочій классъ сможетъ поставить передъ собою болѣе широкія задачи, и тогда же должна будетъ заняться этими вопросами и соціальдемократія. Такимъ образомъ, политика, рекомендуемая „Рабочимъ Дѣломъ", должна была вести къ тому, что вполнѣ самостоятельно пролетаріатъ организовался бы опять таки лишь на почвѣ профессіональной борьбы. Активное и самостоятельное вмѣшательство рабочаго класса въ „политику" ограничивалось бы сферою самыхъ примитивныхъ и общихъ политическихъ вопросовъ, и, разумѣется, и политическое воспитаніе пролетаріата при такихъ условіяхъ должно было бы оставаться на уровнѣ примитивности. Роль соціальдемократіи при такой постановкѣ вопроса сводилась къ роли простой выразительницы „уже достигнутаго" уровня сознанія рабочей массы. Словомъ, и путь, указанный „Рабочимъ Дѣломъ", не могъ повести къ образованію дѣйствительно самостоятельной политической партіи пролетаріата и объективно, независимо отъ воли и сознанія сторонниковъ „Раб. Дѣла", велъ къ политическому порабощенію пролетаріата демократической буржуазіи.

c) „Искра" и „Заря".

Если теоретически вся недостаточность рекомендуемой „Рабочимъ Дѣломъ" политики была ясна извѣстному числу товарищей съ самаго начала, то политическое возбужденіе, охватившее русское общество къ концу 1900 года, и выразившееся прежде всего въ студенческихъ волненіяхъ, приковавшихъ къ себѣ вниманіе всѣхъ свободолюбивыхъ элементовъ, на практикѣ показало,

какъ при данныхъ условіяхъ соціальдемократія стушевывается передъ демократическимъ движеніемъ, а рабочій классъ играетъ роль не самостоятельнаго борца за свободу, ведущаго свою особую классовую политику, а лишь чисто физической силы, поддерживающей буржуазную демократію. Особенно ярко и, такъ сказать, осязательно проявилось это въ первыхъ демонстраціяхъ: и инициаторами ихъ, и организаторами были студенты и радикальная интеллигенція; требованія, во имя которыхъ призывалась на улицу толпа, не выходили подчасъ за предѣлы академическихъ порядковъ и, въ лучшемъ случаѣ, сводились къ неопредѣленному требованію политической свободы; и все же рабочіе рвались принимать участіе въ этихъ демонстраціяхъ, придавали имъ характеръ массоваго порыва. И если даже красное знамя развѣвалось надъ головами демонстрантовъ, то своей сознательной *политической* ноты пролетаріатъ въ демонстраціи не вносилъ.

Таково было положеніе дѣлъ, когда (декабрь 1900 г.), при ближайшемъ участіи родоначальницы русской соціальдемократіи — Группы „Освобожденіе Труда", появилась политическая газета „Искра" и научно-политическій журналъ „Заря".

Въ передовицѣ перваго номера „Искра" формулируетъ свой взглядъ на русскую соціальдемократію и ея задачи: „Соціальдемократія есть соединеніе рабочаго движенія съ соціализмомъ, ея задача — не пассивное служеніе рабочему движенію на каждой его отдѣльной стадіи, а представительство интересовъ всего движенія въ цѣломъ, указаніе этому движенію его конечной цѣли, его политическихъ задачъ, охрана его политической и идейной самостоятельности". И далѣе: „... задача, которую призвана осуществить русская соціальдемократія: внѣдрить соціалистическія идеи и политическое самосознаніе въ массу пролетаріата и организовать революціонную партію, неразрывно связанную съ стихійнымъ рабочимъ движеніемъ". И еще разъ газета

настаиваетъ: „Содѣйствовать политическому развитію и политической организаціи рабочаго класса — наша главная и основная задача", и протестуетъ противъ тѣхъ, кто „угощаетъ рабочихъ „политикой" только въ исключительные моменты ихъ жизни, только въ торжественныхъ случаяхъ".

Но разъ „соціальдемократія есть соединеніе рабочаго движенія съ соціализмомъ", то, очевидно, прежде всего нужно было ясно поставить вопросъ о соціализмѣ, отдѣлить соціальдемократію отъ тѣхъ quasi-марксистовъ, которые „ревизіонистскими" и „критическими" плащами прикрывали свою буржуазную наготу. Нужно было „отмежеваться" отъ этихъ господъ и вмѣстѣ съ тѣмъ положить конецъ и вліянію ихъ „ревизіонистскихъ" идей на представителей соціальдемократіи. Словомъ, нужно было бороться съ соціальдемократами за торжество соціальдемократіи; нужно было подготовить тѣ кадры сознательныхъ и послѣдовательныхъ соціальдемократовъ, которые могли бы взять на себя и сумѣли бы выполнить ту задачу — „соединенія соціализма съ рабочимъ движеніемъ" и „организаціи революціонной партіи, неразрывно связанной съ стихійнымъ рабочимъ движеніемъ", — которую ставила „Искра". Въ этомъ смыслѣ работа „Искры" въ первую эпоху ея существованія можетъ быть названа подготовительной къ періоду дѣйствительно соціальдемократической политической дѣятельности.

Въ рядѣ статей „Заря" разоблачала ненаучность и буржуазную сущность „ревизіонизма", и въ то же время „Искра" упорно боролась противъ всѣхъ проявленій его на практикѣ, какъ они выразились въ Россіи — въ „экономизмѣ" и въ ограниченной „политикѣ" „Рабочаго Дѣла". Одновременно, поскольку позволяли матеріалы и литературныя силы, „Искра" пыталась освѣщать съ точки зрѣнія рабочаго класса самыя разнообразныя явленія русской политической жизни. Можно сказать, что „Искра" была первой въ Россіи дѣйствительно *соціальдемократической* политической

газетой. Если практика партіи еще не давала возможности вести широкую классовую политическую борьбу, то въ литературѣ вопросъ объ этой борьбѣ и указаніе той линіи, по которой она должна идти, были поставлены довольно широко и опредѣленно.

Кромѣ борьбы съ „экономизмомъ“ во всѣхъ его проявленіяхъ, „Искрѣ“ пришлось энергично возставать противъ того возрожденія террористическихъ симпатій, которое явилось слѣдствіемъ подъема политическаго возбужденія интеллигенціи, съ одной стороны, и относительной политической пассивности и неопредѣленности того стихійнаго рабочаго движенія, которое и породило этотъ подъемъ. „*Экономическое*“ самоограниченіе соціальдемократіи, конечно, ослабляло силу ея сопротивленія террористическимъ увлеченіямъ, которыя эксплуатировались политически „соціалистами-революціонерами“ — партіей возродившагося народничества, революціонно-настроенной интеллигенціи, опирающейся въ своей политикѣ не на ясно сознанные интересы опредѣленнаго класса, а на силу чисто стихійнаго недовольства и возбужденія, откуда бы оно ни исходило. „Соціалисты-революціонеры“ эксплуатируютъ одинаково и соціалистическія стремленія пролетаріата, и мелкобуржуазныя и первобытно-коммунистическія склонности крестьянства, и террористическія увлеченія интеллигенціи.

Отсюда — ожесточенная борьба „Искры“ съ „соціалистами-революціонерами“: борьба противъ той мѣшанины народничества, ревизіонизма и обрывковъ марксизма, которую представляетъ собою „соціалистическая“ программа „соціалистовъ-революціонеровъ“ — это борьба за вліяніе на пролетаріатъ, и въ этой борьбѣ соціальдемократія осталась и остается побѣдительницей по всей линіи; борьба противъ террора во имя массовой политической борьбы — это борьба за вліяніе на интеллигенцію, и тутъ кое-гдѣ „побѣда“, естественно, склонилась на сторону „соціалистовъ-революціонеровъ“, хотя и здѣсь, какъ мы уже говорили, перевѣсъ все еще на сторонѣ соціальдемократіи. Однако, проявлявшейся кое-гдѣ — особенно въ связи съ звѣрскими истязаніями рабочихъ-демонстрантовъ и выстрѣломъ Гирша Лекерта — *склонности* къ террору и среди соціальдемократіи полемика „Искры“ положила разъ навсегда конецъ. Особенно настойчиво указывала „Искра“ на ту дезорганизаторскую роль, которую играетъ по отношенію къ классовой борьбѣ рабочихъ массъ терроръ, переносящій центръ тяжести борьбы съ массъ на единичныхъ лицъ и тѣсныя группки, концентрирующій *пассивное* сочувствіе массъ на активной дѣятельности террористовъ и заставляющій забрасывать дѣло организаціи и политическаго воспитанія пролетаріата.

d) Организаціонное строительство.

А между тѣмъ задачи такой организаціи и такого воспитанія стояли на очереди и требовали самой напряженной работы. Эпоха „экономизма“ и „Рабочаго Дѣла“ оставила въ наслѣдіе организацію, опиравшуюся на небольшой, сравнительно, слой лучше оплачиваемыхъ рабочихъ. Вся организація была построена или, по крайней мѣрѣ, должна была быть построенной на принципѣ выборности. Но такъ какъ дѣйствительно массовые выборы при русскихъ условіяхъ совершенно невозможны, то на дѣлѣ выборы бывали лишь выраженіемъ воли небольшого круга обученныхъ рабочихъ, который примыкалъ къ комитету и нерѣдко выше всего ставилъ свои профессіональные интересы. Появилось раздѣленіе на „рабочій“ комитетъ и интеллигентскій“ комитетъ, причемъ послѣднему отводились функціи чисто исполнительнаго органа въ рукахъ „рабочаго“ комитета: писаніе по заказу прокламацій, доставка литературы, собираніе денегъ и т. п. А такъ какъ фактически вся технико-конспиративная сторона дѣла все же была въ рукахъ „интеллигентскаго“ комитета, то возникали постоянныя столкновенія съ комитетомъ „рабочимъ“. Въ

то-же время, занятая чисто профессіональными вопросами „рабочая“ организація теряла и соприкосновеніе со всей массой рабочаго люда. Организаціи различныхъ городовъ были мало связаны другъ съ другомъ, ибо, при отсутствіи широкой политической дѣятельности, не было общаго дѣла. Да и внутри каждой организаціи начинала царить мертвечина, такъ какъ рѣдкія сравнительно стачки, на подготовкѣ которыхъ концентровалось вниманіе рабочихъ организацій, не давали исхода жаждѣ живого дѣла.

Полоса политическаго возбужденія начала XX вѣка, показавъ общую отсталость русской соціальдемократіи, обнаружила и всѣ вопіющіе недостатки ея организаціи. Новыя задачи, выдвинутыя „Искрой“, требовали новыхъ формъ организаціи, требовали созданія дѣйствительно единой партіи. Прежде всего нужно было поставить на очередь вопросъ объ объединеніи политическаго руководства партіей, а для этого было необходимо создать всероссійскую централизованную организацію революціонеровъ; организацію, въ основу которой былъ бы положенъ принципъ представительства не разрозненныхъ профессіональныхъ интересовъ, а интересовъ всего соціальдемократическаго движенія въ цѣломъ. Вокругъ такой организаціи, подъ ея политическимъ руководствомъ, должна была слагаться и дѣйствовать партія пролетаріата. И вмѣстѣ съ тѣмъ, эта организація должна была взять на себя и выполненіе въ широкомъ масштабѣ всѣхъ технико-конспиративныхъ функцій: постановку транспорта и распространеніе литературы, устройство типографій и т. п.

Такая организація, разумѣется, не могла быть создана сразу, однимъ почеркомъ пера. Она должна была естественно складываться вокругъ дѣла, дѣйствительно устанавливающаго связь между всѣми разрозненными мѣстными организаціями, дѣйствительно воплощающаго въ себѣ интересы партіи въ цѣломъ. Но такимъ общерусскимъ дѣломъ была, и при данныхъ условіяхъ только и

могла быть, партійная литература, прежде всего — политическая газета. Въ эту эпоху „профессіонализма“ только партійная литература представляла ту соціальдемократическую „идею“, которая объединяла духовными нитями раздробленные элементы партіи; и естественно, что организація, слагавшаяся вокругъ газеты „Искры“ и ставившая себѣ цѣлью поддержку ея денежными средствами и литературными матеріалами, транспортировку ея въ Россію, перепечатку, распространеніе и т. д., должна была послужить тѣмъ кристалломъ, вокругъ котораго будетъ складываться и рости Партія, ставящая себѣ дѣйствительно *партійныя* задачи. Вѣдь такая организація дѣйствительно клала начало *техническому* объединенію разрозненныхъ кружковъ: всѣ ея функціи требовали непрерывныхъ сношеній со всѣми мѣстными организаціями и оцѣнки ихъ требованій, запросовъ и т. п. съ точки зрѣнія высшаго коллектива — партіи. А то дѣло, вокругъ котораго слагалась такая организація — распространеніе политической газеты — должно было создать элементъ и *политическаго* объединенія. Таковъ именно и былъ организаціонный планъ „Искры“ — планъ, дававшій отвѣтъ на вопросъ: „*съ чего начать?*“ *Начать* строительство *партіи* предполагалось съ созданія *партійной организаціи* профессіональныхъ революціонеровъ; а эту *партійную организацію* нужно было *начинать* строить съ группировки революціонеровъ вокругъ *общерусскаго дѣла* — политической газеты. Затѣмъ уже, когда партійная организація на дѣлѣ свяжетъ всѣ мѣстные комитеты и группы въ единое цѣлое, съѣздъ долженъ былъ санкціонировать и закрѣпить объединеніе соціальдемократіи, представлявшей собою со времени ея основанія единую партію, болѣе въ идеѣ, чѣмъ въ реальной дѣйствительности.

Въ такомъ именно направленіи и должна была дѣйствовать организація „Искра“. Пока „экономисты“ и „Рабочее Дѣло“ крѣпко владѣли еще умами большинства соціальдемократовъ, задача

новой организаціи была очень трудна и требовала много терпѣнія, умѣнія и такта, чтобы хотя бы получить доступъ къ враждебно-настроеннымъ комитетамъ.

Другое дѣло, когда общее политическое возбужденіе страны и проповѣдь „Искры" произвели переворотъ въ настроеніи большинства членовъ комитетовъ. Проповѣдь эта—въ силу указанныхъ выше особенностей историческаго положенія и развитія русской соціальдемократіи — усваивалась прежде всего съ ея *демократической*, а не *соціальдемократической* стороны, со стороны противопоставленія *политики — экономикѣ*. Это обстоятельство, въ связи съ „трэдъ-юніонистскимъ" направленіемъ тѣхъ рабочихъ организацій, которыя непосредственно облекали комитеты, наложило особый отпечатокъ на объединительную дѣятельность организаціи „Искры" въ послѣдній періодъ ея дѣятельности. Задачей дня было вѣдь созданіе партійной организаціи революціонеровъ-спеціалистовъ, строеніе самой пролетарской партіи должно было начаться послѣ. Естественно, что эта послѣдняя задача въ глазахъ многихъ практиковъ отодвигалась на задній планъ, совершенно стушевывалась передъ задачей завоеванія и объединенія комитетовъ. И такое завоеваніе нерѣдко сопровождалось разрывомъ съ существовавшими уже рабочими организаціями. Вчера еще пользовавшіяся правомъ „выборовъ" и рѣшающимъ голосомъ во всѣхъ дѣлахъ комитета, онѣ сегодня, съ завоеваніемъ комитета „искровцами", лишались всѣхъ правъ. Соціальдемократическая партійная организація естественно не могла быть построена на той системѣ „цензовыхъ" выборовъ, которая составляла основу былого „демократизма" и вмѣстѣ съ тѣмъ преобладанія профессіональныхъ интересовъ надъ интересами соціальдемократической борьбы; переоцѣнка же *самодовлѣющаго* значенія партійной организаціи мѣшала задуматься, какъ слѣдуетъ, надъ методами привлеченія существовавшихъ рабочихъ кружковъ къ активному участію въ дѣлахъ организаціи, взамѣнъ прежняго „формальнаго" права выборовъ. Созданныя прошлымъ силы „рабочихъ" организацій оставались въ значительной мѣрѣ неиспользованными при переходѣ къ интенсивной политической агитаціи, а, на первыхъ порахъ, и прямо бросались въ „оппозицію". Такимъ образомъ недостатки „искровской" практической работы, недостатки, неизбѣжно вытекавшіе изъ всей исторически сложившейся обстановки, въ которой приходилось дѣйствовать, сводились къ преобладанію демократическихъ тенденцій надъ соціальдемократическими въ области политической дѣятельности и переоцѣнкѣ самодовлѣющаго значенія партійнаго центра въ области организаціоннаго строительства партіи. Но, какъ бы то ни было, практическая дѣятельность организаціи „Искры" впервые положила начало объединенію всѣхъ комитетовъ и группъ партіи въ одно неразрывное цѣлое и сдѣлала возможнымъ и формальное объединеніе партіи на съѣздѣ.

е) II съѣздъ партіи.

II съѣздъ нашей партіи (не надо забывать, что — въ смыслѣ представительства — дѣло идетъ лишь о партійной организаціи революціонеровъ-спеціалистовъ) былъ подготовленъ Организаціоннымъ Комитетомъ. Идея Организаціоннаго Комитета, составленнаго изъ представителей разныхъ мѣстныхъ организацій, съ преобладающимъ вліяніемъ организаціи „Искра", была выдвинута „Искрой" еще въ мартѣ 1902 года на конференціи нѣсколькихъ комитетовъ нашей партіи. Но лишь въ ноябрѣ того же года удалось поставить дѣло на болѣе широкую ногу. Подготовительная работа Орг. Ком. (временно взявшаго на себя и выполненіе функцій будущаго Цен. Ком.) по организаціи съѣзда заняла тоже не мало времени.

На съѣздѣ присутствовало 43 делегата съ 51 рѣшающимъ голосомъ. Въ томъ числѣ было 30 делегатовъ отъ мѣстныхъ организацій нашей партіи съ 36 голосами, 3 делегата отъ Центр. Ком. Бунда, 2

отъ Загр. Ком. Бунда, 1 дел. съ 2 гол. отъ организаціи „Искра", 2 дел. отъ группы, издававшей газету „Южный Рабочій" и 5 дел. съ 6 гол. отъ заграничныхъ организацій партіи — группы „Освобожденіе Труда", „Лиги русской революціонной соціальдемократіи" и „Союза русскихъ соціальдемократовъ" („Рабочее Дѣло"). Затѣмъ присутствовало 14 лицъ съ правомъ совѣщательнаго голоса.

Съѣздъ принялъ программу и организаціонный уставъ партіи и рядъ тактическихъ резолюцій. Протоколы его отпечатаны въ типографіи нашей партіи. Здѣсь мы постараемся вкратцѣ обрисовать важнѣйшія работы съѣзда.

1) *Теоретическая программа.*

Проектъ программы нашей партіи былъ выработанъ редакціей „Искры" и „Зари" и опубликованъ заблаговременно; съѣздъ внесъ въ этотъ проектъ лишь нѣсколько мелкихъ поправокъ.

Теоретическая часть программы стоитъ цѣликомъ на почвѣ революціоннаго марксизма и въ корнѣ отвергаетъ всѣ „поправки", которыя „ревизіонизмъ" пытался внести въ научный соціализмъ. Исходя изъ международнаго характера великаго освободительнаго движенія пролетаріата и признавая россійскую соціальдемократію однимъ изъ отрядовъ всемірной арміи рабочаго класса, программа констатируетъ, что соціализмъ, конечная цѣль соціальдемократіи, вытекаетъ изъ характера и хода развитія современнаго буржуазнаго общества. Указывая на все ростущее разслоеніе всего народа на пролетаріатъ и буржуазію, на непрерывный ростъ капиталистическаго способа производства, вытѣсняющаго всѣ остальныя формы хозяйства, на техническій прогрессъ, относительно уменьшающій потребность въ живой рабочей силѣ и позволяющій усиленно эксплуатировать трудъ женщинъ и дѣтей, программа подчеркиваетъ повышеніе уровня эксплуатаціи наемнаго труда. Кризисъ и періоды промышленнаго застоя — слѣдствіе господствующей въ капиталистическомъ обществѣ конкурренціи и анархіи производства — еще болѣе обостряютъ и ускоряютъ процессъ общественной дифференціаціи со всѣми его соціальными послѣдствіями. По мѣрѣ роста всѣхъ этихъ противорѣчій, свойственныхъ капиталистическому обществу, ростутъ и матеріальныя силы и психологическія предпосылки для совершенія рабочимъ классомъ соціальной революціи, необходимымъ условіемъ которой является диктатура пролетаріата.

Отсюда вытекаетъ основная задача соціальдемократіи: она „организуетъ пролетаріатъ въ самостоятельную политическую рабочую партію, противостоящую всѣмъ буржуазнымъ партіямъ, руководитъ всѣми проявленіями его классовой борьбы, разоблачаетъ передъ нимъ непримиримую противоположность интересовъ эксплуататоровъ интересамъ эксплуатируемыхъ и выясняетъ ему историческое значеніе и необходимыя условія предстоящей соціальной революціи". На почвѣ своей программы, соціальдемократія ставитъ своей задачей привлекать въ свои ряды и всѣ остальные слои трудящагося и эксплуатируемаго населенія, поскольку они переходятъ на точку зрѣнія пролетаріата.

2) *Программа* minimum.

Переходя къ практическимъ требованіямъ, программа прежде всего указываетъ на тѣ остатки докапиталистическаго порядка, которые препятствуютъ экономическому прогрессу, не допускаютъ всесторонняго развитія классовой борьбы пролетаріата въ Россіи и содѣйствуютъ сохраненію и усиленію самыхъ варварскихъ формъ эсплуатаціи.

Самымъ значительнымъ изъ всѣхъ этихъ пережитковъ и самымъ могучимъ оплотомъ всего этого варварства является царское самодержавіе, и потому Рос. Соц.-Дем. Раб. Пар. ближайшей политической задачей своей ставитъ *низверженіе самодержавія*, созывъ *учредительнаго собранія*, свободно избраннаго всѣмъ народомъ, и установленіе *демократической республики.* Программа подробно пере-

числяетъ тѣ демократическія гарантіи, на основѣ которыхъ должна быть построена конституція республики. Главнѣйшія изъ этихъ гарантій: сосредоточеніе всей верховной государственной власти въ рукахъ однопалатнаго народнаго собранія; всеобщее, равное, прямое и тайное, активное и пассивное, избирательное право въ законодательное собраніе и органы мѣстнаго самоуправленія для мужчинъ и женщинъ, достигшихъ 20 лѣтъ; широкое мѣстное и областное самоуправленіе; неприкосновенность личности; свобода совѣсти, слова, печати, собраній, стачекъ и союзовъ; свобода передвиженія и промысловъ; уничтоженіе сословій и полное равноправіе всѣхъ, независимо отъ пола, религіи, расы и національности; право самоопредѣленія за всѣми націями и употребленія родного языка; отвѣтственность чиновниковъ передъ судомъ присяжныхъ; выборность судей; замѣна постояннаго войска всеобщимъ вооруженіемъ народа; отдѣленіе церкви отъ государства и школы отъ церкви; даровое, обязательное обученіе, общее и профессіональное, для всѣхъ дѣтей до 16 лѣтъ и снабженіе бѣдныхъ дѣтей пищей, одеждой и учебными пособіями за счетъ государства. Партія требуетъ отмѣны всѣхъ косвенныхъ налоговъ и установленія, рогрессивнаго налога на доходы и наслѣдства.

Часть программы, касающаяся вопросовъ труда, разработана очень подробно. Въ основу ея положено требованіе 8-го час. раб. дня для всѣхъ наемныхъ рабочихъ. Кромѣ того, программа выставляетъ слѣдующія требованія: еженедѣльный непрерывный отдыхъ не менѣе 42 час.; запрещеніе сверхурочныхъ работъ и ночного труда (отъ 9 час. вечера до 6 час. утра); особое огражденіе дѣтскаго и женскаго труда; государственное страхованіе рабочихъ на случай старости и потери трудоспособности, съ возложеніемъ всѣхъ издержекъ на капиталистовъ; запрещеніе расплаты товарами и еженедѣльная выдача заработка; запрещеніе штрафовъ и т. д.; обезпеченіе правильной постановки фабричной инспекціи съ участіемъ выборныхъ отъ

рабочихъ и работницъ; надзоръ органовъ мѣстнаго самоуправленія, съ участіемъ выборныхъ рабочихъ, за санитарнымъ состояніемъ жилищъ, отводимыхъ капиталистами рабочимъ; санитарный надзоръ за мастерскими и безплатная медицинская помощь за счетъ хозяевъ; уголовная отвѣтственность предпринимателей за нарушеніе законовъ объ охранѣ труда; промысловые суды, составленные поровну изъ представителей отъ рабочихъ и предпринимателей; учрежденіе органами мѣстнаго самоуправленія посредническихъ конторъ по найму рабочихъ съ участіемъ представителей отъ рабочихъ организацій.

Аграрная программа нашей партіи и принципы, легшіе въ ея основу, уже изложены нами въ другомъ мѣстѣ.

3) *Тактическія резолюціи.*

Работы съѣзда по принятію программы и выработкѣ организаціоннаго устава, а также продолжительные дебаты по вопросу о положеніи Бунда въ партіи, заняли столько времени, что тактическія резолюціи, заранѣе выработанныя въ видѣ проектовъ, къ сожалѣнію, не могли быть подвергнуты такому детальному обсужденію, какого требовала бы важность затронутыхъ вопросовъ. Упомянемъ важнѣйшія изъ принятыхъ резолюцій.

По вопросу о *профессіональной борьбѣ* съѣздъ высказался за то, чтобы партія приняла на себя руководство ею и стремилась объединить частныя столкновенія отдѣльныхъ группъ рабочихъ въ одну организованную борьбу класса. Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ рекомендовалъ продолжать вести неустанную борьбу противъ „зубатовщины“.

Законъ о *фабричныхъ старостахъ* поставилъ на очередь вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли нашей партіи рекомендовать рабочимъ принимать участіе въ выборахъ этихъ старостъ. За утвердительное рѣшеніе этого вопроса говорило, главнымъ образомъ, то соображеніе, что, подобно всѣмъ проявленіямъ „зубатовской“ политики, новый институтъ и сопря-

женные съ нимъ выборы могутъ дать хорошую исходную точку и богатый матеріалъ для соціальдемократической агитаціи. Въ этомъ смыслѣ и высказался съѣздъ. Однако, хотя, лишь только стало извѣстно рѣшеніе съѣзда, ему подчинились тѣ рабочіе (напр. въ Одессѣ), которые сначала вели упорную агитацію противъ участія въ выборахъ, — все же вопросъ о фабричныхъ старостахъ служитъ еще предметомъ дискуссіи въ рядахъ нашей партіи. Главными аргументами противъ участія въ выборахъ выставляются: 1) „зубатовскій" характеръ всей затѣи и 2) опасность подвергнуть полицейскому надзору и преслѣдованію тѣхъ организованныхъ рабочихъ, которые ставятъ свою кандидатуру на должность старосты.

Съѣздъ высказался и по вопросу о *демонстраціяхъ*. Резолюція характеризуетъ демонстраціи, какъ „одно изъ самыхъ важныхъ средствъ политическаго воспитанія самыхъ широкихъ массъ народа и расширенія и укрѣпленія вліянія соціальдемократіи". Кромѣ того демонстраціи служатъ средствомъ систематической дезорганизаціи правительственнаго механизма и подготовляютъ массы къ возстанію противъ существующаго строя. Въ виду этого съѣздъ рекомендовалъ всѣмъ комитетамъ партіи пользоваться удобными случаями для организаціи демонстрацій. Констатируя недостатки практики, резолюція рекомендуетъ: 1) подготовку демонстрацій широкой предварительной агитаціей; 2) выборъ для демонстрацій момента, подходящаго по настроенію рабочихъ массъ; 3) обезпеченіе многолюдности, организованности и подготовки активнаго ядра демонстрантовъ; 4) принятіе мѣръ для возможности активнаго отпора демонстрантовъ полицейскимъ ордамъ; 5) ознакомленіе солдатъ съ характеромъ и цѣлью демонстрацій и привлеченіе ихъ симпатій къ демонстрантамъ. Ц. К. партіи съѣздъ поручилъ организацію обще-русскихъ политическихъ демонстрацій по одному общему плану.

Съѣздъ принялъ еще резолюціи объ улучшеніи постановки соціальдемократической пропаганды;

объ отношеніи къ учащейся молодежи; объ антиеврейскихъ погромахъ; о работѣ среди сектантовъ; о показаніяхъ на слѣдствіи (рекомендовано всѣмъ членамъ партіи отказываться отъ какихъ бы то ни было показаній на жандармскомъ дознаніи); объ Амстердамскомъ конгрессѣ.

4) *Отношеніе къ другимъ партіямъ.*

Согласно принципамъ, изложеннымъ въ программѣ, „Р. С.-Д. Р. П. поддерживаетъ всякое оппозиціонное и революціонное движеніе, направленное противъ существующаго въ Россіи общественнаго и политическаго порядка, рѣшительно отвергая въ то-же время всѣ тѣ реформаторскіе проекты, которые связаны съ какимъ бы то ни было расширеніемъ или упроченіемъ полицейско-чиновничьей опеки надъ трудящимися классами".

а) *Либералы.*

Исходя изъ этихъ принциповъ, съѣздъ двумя резолюціями опредѣлилъ свое отношеніе къ либераламъ.

Первая резолюція, ссылаясь на только что цитированное нами принципіальное заявленіе программы, говоритъ: „Р. С.-Д. Р. П., самостоятельная политическая партія пролетаріата, — . . . не отказывается вступать и, если къ тому представится надобность, вступитъ, при посредствѣ своихъ центральныхъ учрежденій, во временныя соглашенія съ либеральными или либерально-демократическими теченіями, при томъ однако условіи, а) что эти теченія ясно и недвусмысленно заявятъ, что въ своей борьбѣ съ *самодержавнымъ правительствомъ* они станутъ рѣшительно на сторону россійской соціальдемократіи; б) что они не выставятъ въ своихъ программахъ требованій, идущихъ въ разрѣзъ съ интересами рабочаго класса и демократіи вообще или затемняющихъ его сознаніе, и в) что своимъ лозунгомъ борьбы они сдѣлаютъ всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право".

Въ то же время вторая резолюція, подчеркивая „обязанность соціальдемократіи разоблачать передъ пролетаріатомъ ограниченность и недостаточность освободительнаго движенія буржуазіи", рекомендуетъ „обращать въ пропагандѣ вниманіе рабочихъ на анти-революціонный и противо-пролетарскій характеръ того направленія, органомъ котораго является „Освобожденіе" (г. Струве).

б) *„Соціалисты-революціонеры"*.

Нѣсколько иначе долженъ былъ поставить соціальдемократическій съѣздъ вопросъ о „соціалистахъ-революціонерахъ". Эта фракція буржуазной демократіи, не имѣющая твердыхъ политическихъ принциповъ и не связывающая своей борьбы съ борьбой пролетаріата, дѣйствуетъ въ тоже время подъ флагомъ „соціализма" (хотя и въ высшей степени неопредѣленнаго) и тѣмъ самымъ вноситъ элементы явной дезорганизаціи въ то дѣло воспитанія классоваго сознанія и самостоятельной политической организаціи рабочаго класса, которое составляетъ главную задачу соціальдемократіи. Выше мы уже нѣсколько разъ приводили примѣры такой дезорганизаціи и „затемненія классоваго сознанія рабочихъ". Мѣсто не позволяетъ намъ подробно остановиться на значеніи дѣятельности „соціалистовъ-революціонеровъ", и потому мы ограничиваемся воспроизведеніемъ подробной, мотивированной резолюціи, принятой съѣздомъ по этому вопросу:

„Принимая во вниманіе: а) что интересы россійскаго пролетаріата вообще и его освободительнаго движенія въ особенности требуютъ, чтобы онъ въ борьбѣ съ абсолютизмомъ выступалъ, какъ вполнѣ самостоятельная политическая сила; б) что только дѣятельность, направленная на объединеніе пролетаріата въ такую силу, вноситъ соціалистически-революціонное содержаніе въ борьбу съ абсолютизмомъ; принимая далѣе во вниманіе: в) что „соціалисты-революціонеры" теоретически и практически противодѣйствуютъ усиліямъ соціальдемократовъ сплотить рабочихъ въ самостоятельную политическую партію, стараясь, наоборотъ, удержать ихъ въ состояніи политически-безформенной массы, способной служить лишь орудіемъ либеральной буржуазіи: — съѣздъ констатируетъ, что „соціалисты-революціонеры" являются не болѣе, какъ буржуазно-демократической фракціей, принципіальное отношеніе къ которой со стороны соціальдемократіи не можетъ быть иное, чѣмъ къ либеральнымъ представителямъ буржуазіи вообще.

„Принимая затѣмъ во вниманіе: а) что свои буржуазныя тенденціи „соціалисты-революціонеры" преслѣдуютъ подъ флагомъ соціализма и б) что, кромѣ того, или именно потому, какъ буржуазно-революціонная фракція, оказываются совершенно несостоятельными, съѣздъ считаетъ ихъ дѣятельность вредной не только для политическаго развитія пролетаріата, но и для обще-демократической борьбы противъ абсолютизма.

„Исходя изъ всего этого, съѣздъ безусловно осуждаетъ всякія попытки затушевать принципіальное и политическое значеніе разногласій между „соціалистами-революціонерами" и соціальдемократами. Наоборотъ, онъ признаетъ необходимымъ, какъ въ интересахъ развитія политической самостоятельности россійскаго пролетаріата, такъ и въ спеціальныхъ интересахъ освободительнаго движенія противъ абсолютизма, чтобы соціальдемократы выясняли и подчеркивали буржуазныя тенденціи „соціалистовъ-революціонеровъ" и ихъ практическую несостоятельность съ точки зрѣнія обще-демократической.

„Въ виду вышеуказанныхъ соображеній съѣздъ рѣшительно осуждаетъ всякія попытки объединенія соціальдемократовъ съ „соціалистами-революціонерами", признавая возможными лишь частныя соглашенія съ ними въ отдѣльныхъ случаяхъ борьбы съ царизмомъ, причемъ условія такихъ соглашеній подлежатъ контролю Ц. К."

Мотивировка и смыслъ резолюціи показываютъ, почему русскіе соціальдемократы не могутъ не про-

тестовать противъ того включенія этихъ буржуазныхъ „соціалистовъ“ въ семью соціалистическихъ партій, руководящихъ классовой борьбой пролетаріата, которое практикуется до сихъ поръ многими западно-европейскими товарищами, недостаточно освѣдомленными о дѣйствительномъ характерѣ и дѣятельности этой фракціи. Такое включеніе, поднимая „соціалистическій“ престижъ „соціалистовъ-революціонеровъ“, не перестающихъ между тѣмъ въ своемъ органѣ открыто нападать на теоретическіе принципы и политическую тактику международной (а не русской только) соціальдемократіи, наноситъ несомнѣнный ущербъ дѣлу классоваго развитія и самостоятельной организаціи россійскаго пролетаріата.

в) *Бундъ и другія національныя организаціи.*

Еврейское рабочее движеніе, съ самаго начала своего возникновенія, развивалось въ тѣсной связи и взаимодѣйствіи съ движеніемъ всего россійскаго пролетаріата. При основаніи нашей Партіи „Общееврейскій рабочій Союзъ въ Россіи и Польшѣ“ вошелъ въ нее, какъ „автономная организація, самостоятельная лишь въ вопросахъ, касающихся спеціально еврейскаго пролетаріата“.

Та эпоха раздробленности и отсутствія широкой общепартійной дѣятельности, которая характеризуется почти исключительнымъ господствомъ профессіональныхъ интересовъ, не могла не отражаться па отношеніи Бунда къ Партіи. Если всѣ мѣстныя организаціи и группы Партіи замыкались въ это время въ свои обособленные, ближайшіе интересы, то тѣмъ болѣе имѣло это мѣсто у Бунда, отдѣленнаго отъ Партіи и райономъ дѣйствія, и особыми условіями еврейской жизни, вытекающими изъ гражданскаго неравноправія евреевъ, и особымъ языкомъ, на которомъ велась пропаганда и агитація. Теряя связи и живое соприкосновеніе съ Партіей, Бундъ росъ и укрѣплялся, какъ обособленная организація.

Такая обособленность, въ связи съ относитель-

ною примитивностью тѣхъ соціально-политическихъ условій, среди которыхъ приходится дѣйствовать Бунду (господство ремесленнаго производства и домашней формы крупной промышленности), позволяла ему стоять въ сторонѣ во время волновавшихъ всю россійскую соціальдемократію споровъ съ „экономистами“. Вопросы, рѣзко выдвинутые для русской соціальдемократіи самимъ ходомъ ея исторической жизни, не вставали въ такой обостренной формѣ для Бунда. Національное же угнетеніе, связывающее общими цѣлями и общими надеждами еврейскій пролетаріатъ съ другими слоями еврейскаго населенія, помогало вырости націоналистическимъ чувствамъ на почвѣ обособленности Бунда, и объединительныя стремленія россійской соціальдемократіи начинали ему иногда казаться, какъ это кажется и Польской Соціалистической Партіи (P. P. S.), проявленіемъ „великорусскаго шовинизма“.

Постепенно Бундъ сталъ выдвигать на первое мѣсто тѣ специфическіе интересы еврейскаго пролетаріата, которые вытекаютъ не изъ его пролетарскаго соціальнаго положенія, а изъ принадлежности его къ еврейской націи. Разумѣется, пролетаріатъ всей Россіи не менѣе, чѣмъ еврейскій, заинтересованъ въ устраненіи всѣхъ видовъ національнаго угнетенія, и наша Партія, которая насчитываетъ въ своихъ рядахъ не мало еврейскихъ рабочихъ и товарищей, работавшихъ прежде въ районѣ Бунда, никогда не забывала этого. И если Бундъ все же требуетъ, чтобы въ основу организаціоннаго строенія и взаимоотношенія различныхъ частей Партіи былъ положенъ не—объединяющій весь рабочій классъ и отдѣляющій его отъ всѣхъ буржуазныхъ слоевъ—принципъ соціальдемократической борьбы, а принципъ національности, разъединяющій рабочій классъ на рядъ отдѣльныхъ національныхъ группъ съ обособленными интересами, и, напротивъ, объединяющій каждую національную группу съ другими, непролетарскими слоями той же націи, — то въ такомъ требованіи не-

льзя не увидѣть, въ специфической формѣ, все того же преобладанія демократическихъ интересовъ движенія надъ соціалистическими, которое, въ другихъ формахъ, неоднократно уже встрѣчалось намъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе историческихъ условій развитія соціальдемократіи въ Россіи.

Конечно, если наша Партія стремится построить свою партійную организацію на такихъ основаніяхъ, чтобы она была единой соціальдемократической организаціей для всего пролетаріата, объединеннаго общностью государственно-правовыхъ условій, къ какой бы націи онъ ни принадлежалъ, то это не значитъ, чтобы Р. С.-Д. Р. П. не хотѣла считаться съ существованіемъ исторически сложившихся организацій и думала положить имъ конецъ однимъ росчеркомъ пера. Процессъ сліянія всѣхъ національныхъ организацій въ единое цѣлое, съ автономными группами въ предѣлахъ каждаго мѣстнаго комитета и общепартійной организаціи, поскольку это вызывается техническими удобствами и потребностями пропаганды и агитаціи, этотъ процессъ можетъ, разумѣется, совершаться лишь медленно и постепенно. Важно было построить или, вѣрнѣе, сохранить организаціонныя отношенія между Партіей и Бундомъ въ такомъ видѣ, чтобы они могли безъ потрясеній и затрудненій развиваться въ намѣченномъ направленіи. Автономія или федерація — такъ былъ поставленъ вопросъ въ области организаціонной. А въ основѣ этой организаціонной дилеммы лежала другая, болѣе принципіальная: долженъ ли Бундъ быть частью общероссійской соціальдемократіи, хотя и пользующейся всѣми автономными правами, необходимыми для удовлетворенія особыхъ потребностей, вызываемыхъ дѣятельностью среди еврейскихъ рабочихъ; или же Бундъ долженъ быть единственной организаціей и единственнымъ представителемъ еврейскаго пролетаріата, гдѣ бы они ни жили? Представляетъ ли Бундъ обще-соціальдемократическіе интересы въ средѣ еврейскихъ рабочихъ, или наоборотъ, онъ является представителемъ какихъ-

то спеціально еврейскихъ пролетарскихъ интересовъ въ сонмѣ представителей другихъ, тоже національныхъ, рабочихъ группъ? Разумѣется, съ точки зрѣнія соціальдемократіи отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ: соціальдемократія вездѣ и всюду представляетъ интересы рабочаго движенія въ цѣломъ; только особыя государственно-правовыя условія превращаютъ соціальдемократію каждой страны въ обособленное цѣлое; принципъ „національнаго“ или „племенного“ представительства никоимъ образомъ не можетъ быть положенъ въ основу соціальдемократической организаціи.

Такъ рѣшался вопросъ принципіально. Практическія же неудобства того рѣшенія, котораго требовалъ Бундъ, были очевидны. Если раньше дѣятельность Бунда сосредоточивалась исключительно въ районѣ Польши, Литвы и Бѣлоруссіи, гдѣ не было обще-партійныхъ комитетовъ (и гдѣ, прибавимъ, вслѣдствіе этого интересы нееврейскаго рабочаго движенія сильно страдали, что, въ концѣ концовъ, не могло не отзываться и на ходѣ самого еврейскаго движенія), то теперь Бундъ, считая себя единственнымъ представителемъ еврейскаго пролетаріата, предъявлялъ притязанія на основаніе собственныхъ комитетовъ и въ тѣхъ городахъ, гдѣ движеніе рабочихъ всѣхъ національностей происходило уже подъ руководствомъ единаго комитета Партіи. Въ такихъ городахъ, какъ Одесса, Кіевъ, Екатеринославъ и т. п. съ многочисленнымъ еврейскимъ населеніемъ, еврейскіе рабочіе служили сильной опорой для комитетовъ. И если теперь Бундъ (въ Одессѣ и Кіевѣ ему это отчасти удалось, въ Екатеринославѣ попытка его окончилась полной неудачей) началъ настаивать на выдѣленіи еврейскихъ рабочихъ изъ общепартійной организаціи, то какъ иначе могъ онъ мотивировать необходимость такого обособленія, если не подчеркивая раздѣляющія рабочихъ національныя перегородки и отодвигая на задній планъ классовые интересы, которые объединяютъ

въ одномъ классовомъ движеніи весь пролетаріатъ и уничтожаютъ всѣ, раздѣляющія, его національныя, профессіональныя, групповыя и иныя перегородки?

Вотъ почему съѣздъ нашей Партіи, не жертвуя интересами социальдемократическаго дѣла, не могъ согласиться на признаніе Бунда единственнымъ представителемъ еврейскаго пролетаріата. Для Б. этого было достаточно, чтобы выйти изъ Партіи. Нужно однако надѣяться, что дальнѣйшій подъемъ и развитіе социальдемократическаго движенія еврейскихъ рабочихъ покажетъ товарищамъ изъ Бунда весь вредъ такого обособленія, уничтожитъ нерѣдкое теперь взаимное непониманіе и приведетъ ихъ обратно въ ряды единой социальдемократической партіи всероссійскаго пролетаріата.

Въ вопросѣ о другихъ національныхъ организаціяхъ — польской, латышской, литовской, армянской — Партія стоитъ въ общемъ на той же точкѣ зрѣнія, что и по отношенію къ Бунду, и питаетъ надежду, что день объединенія всѣхъ обособленныхъ организацій въ единое цѣлое уже недалекъ.

f) Организація Партіи.

1) *Постановка мѣстной работы.*

Основой партійной организаціи являются *мѣстные комитеты и группы.* Перечисленіе ихъ мы дали выше. Каждый мѣстный комитетъ, состоящій обыкновенно изъ 5-6, рѣдко болѣе, членовъ, самостоятельно пополняетъ свой составъ, въ случаѣ выбытія изъ него членовъ или нужды въ людяхъ. Комитетъ организуетъ группы пропагандистовъ и агитататоровъ, а также различныя техническія группы. Большіе города раздѣлены на районы, каждый изъ которыхъ имѣетъ собраніе районныхъ представителей изъ организаторовъ и агитаторовъ, занятыхъ въ данномъ районѣ. Другъ съ другомъ нерѣдко районы, съ большимъ ущербомъ для дѣла, весьма мало связаны, изъ-за соображеній конспиративнаго характера. Пропаганда ведется въ не-

большихъ рабочихъ кружкахъ (человѣкъ въ 10) по заранѣе намѣченному плану. Однако, недостатокъ подходящихъ интеллигентныхъ силъ и полицейскія трудности не позволяли до сихъ поръ поставить это дѣло такъ, какъ того требуетъ его важность. Съ одной стороны, пропагандисты изъ интеллигентной молодежи часто оказываются недостаточно подготовленными къ выпавшей на ихъ долю функціи, съ другой — вслѣдствіе невозможныхъ полицейскихъ условій занятія часто ведутся нерегулярно, бросаются на серединѣ намѣченнаго курса и т. д.

За послѣдніе годы на веденіи пропаганды отразилось и то сосредоточеніе всѣхъ силъ на политической агитаціи, о которомъ мы уже говорили. Между тѣмъ пропаганда, имѣющая цѣлью подготовить политическихъ руководителей рабочаго класса изъ среды самихъ рабочихъ, имѣетъ огромное значеніе для всей будущности нашей партіи, и вопросъ о ея правильной постановкѣ выдвинутъ теперь на очередь и служитъ предметомъ дискуссіи среди товарищей.

Агитація велась за послѣдніе годы очень оживленно, но, главнымъ образомъ, посредствомъ прокламацій. Устраивать агитаціонныя собранія, въ которыхъ рабочіе принимали-бы живое участіе въ разработкѣ политическихъ вопросовъ, препятствовали прежде всего полицейскія условія. Кромѣ того, стремленіе охватить агитаціоннымъ словомъ, хотя-бы въ самой общей формулировкѣ, возможно большую массу рабочихъ заставляло отдавать предпочтеніе прокламаціямъ и подчасъ забывать о всей важности политическаго воспитанія передового слоя рабочихъ, воспитанія, достигаемаго активнымъ участіемъ этихъ рабочихъ въ детальномъ обсужденіи текущихъ политическихъ вопросовъ и въ выработкѣ того политическаго поведенія, котораго долженъ держаться рабочій классъ въ каждомъ данномъ случаѣ. Благодаря такой постановкѣ агитаціи, создалось, въ значительной мѣрѣ, такое положеніе, что даже передовые слои пролетаріата не столько активно участвуютъ въ выра-

боткѣ и направленіи политической дѣятельности партіи, сколько пассивно воспринимаютъ и, по мѣрѣ возможности, приводятъ въ исполненіе лозунги, выработанные безъ ихъ сознательнаго участія и даваемые „сверху" комитетомъ. Съ другой стороны, втиснутая въ узкія рамки прокламацій, агитація поневолѣ должна была ограничиваться „схематизированіемъ", постановкой политическихъ вопросовъ въ ихъ самомъ общемъ видѣ; а между тѣмъ, только знакомство съ самымъ механизмомъ политическихъ событій, съ ихъ движущими пружинами и сложной обстановкой можетъ дать пролетаріату, въ лицѣ его передовыхъ слоевъ, возможность настолько оріентироваться въ политической жизни страны, чтобы умѣть всегда и всюду найти линію, соотвѣтствующую классовымъ интересамъ пролетаріата. Наконецъ, агитація, какъ она сложилась за послѣдніе годы, имѣла еще одинъ очень существенный недостатокъ. Силою вещей она велась почти всегда post factum; разъясняла (по скольку разъясняла) смыслъ уже происшедшихъ политическихъ событій, не задаваясь цѣлью подготовить активное и сознательное вмѣшательство пролетаріата въ ту пеструю смѣну событій политической жизни, которыхъ можно было ожидать впереди.

За послѣднее время и вопросъ о постановкѣ агитаціи служитъ предметомъ оживленнаго обсужденія въ рядахъ нашей Партіи, и все большее и большее число товарищей приходитъ къ убѣжденію, что здѣсь необходимы коренныя измѣненія. Все должно быть направлено къ тому, чтобы, по крайней мѣрѣ, передовые слои пролетаріата становились активными участниками и творцами партійной политики. Сохраняя широкую агитацію посредствомъ прокламацій, необходимо сдѣлать болѣе разнообразнымъ и конкретнымъ содержаніе ея и быстрѣе отвѣчать на всякое, сколько нибудь замѣтное, явленіе политической жизни страны. Нужно напречь всѣ усилія, чтобы возможно чаще собирать, хотя бы небольшія, собранія передовыхъ рабочихъ и вмѣстѣ съ ними обсуждать всѣ вопросы

партійной политики. Война уже дала поводъ нѣкоторымъ нашимъ комитетамъ вынести вопросъ о политическомъ поведеніи партіи по отношенію къ войнѣ на обсужденіе рабочихъ собраній, принимавшихъ соотвѣтствующія резолюціи. Такъ называемыя „летучки" и „массовки" также все болѣе и болѣе входятъ въ обиходъ комитетской работы. Въ этомъ направленіи передъ нашей партіей еще необозримое поле работы, которая сторицей вознаградитъ сдѣланныя на нее затраты.

Политическая пресса при русскихъ условіяхъ не можетъ замѣнить прокламацій и живого агитаціоннаго слова. Издающійся заграницей Центральный Органъ слишкомъ неаккуратно и поздно доходитъ до рабочихъ. Изданіе же мѣстныхъ газетъ, правильно и быстро выходящихъ, встрѣчаетъ огромныя техническія и конспиративныя затрудненія. Быть можетъ, вопросъ этотъ найдетъ свое рѣшеніе въ изданіи ряда мѣстныхъ бюллетеней съ общерусской и мѣстной политической хроникой и коротенькими статьями на политическія и экономическія темы. Попытки въ этомъ направленіи предпринимались уже нѣсколькими комитетами нашей партіи. На очередь поставленъ также вопросъ объ изданіи популярнаго политическаго органа для рабочихъ, статьи изъ котораго могли бы служить, между прочимъ, для перепечатки въ мѣстныхъ бюллетеняхъ-хроникахъ.

Кромѣ пропаганды и агитаціи, работа комитета сводится къ организаціи новыхъ рабочихъ кружковъ и собраній, писанію, воспроизведенію (большею частью печатанію) и распространенію прокламацій и другой партійной литературы, собиранію денежныхъ средствъ и т. д. Для выполненія всѣхъ этихъ задачъ образуются обыкновенно особыя группы: редакціонная, финансовая, организаторская, техническая и т. д. Во главѣ болѣе важныхъ группъ стоитъ обыкновенно одинъ изъ членовъ комитета, самъ подбирающій себѣ сотрудниковъ. Секретарь комитета ведетъ переписку съ другими комитетами партіи, Ц. К. и редакціей Ц. О.

Для правильнаго функціонированія комитета ему необходимо обезпечить себѣ, кромѣ денежныхъ источниковъ, рядъ адресовъ для полученія конспиративныхъ писемъ, „явочныхъ" квартиръ, куда могутъ являться прибывающіе въ городъ для свиданія съ членами комитетовъ лица, квартиръ для храненія складовъ литературы, для временнаго пребыванія пріѣзжихъ, вынужденныхъ скрывать свой пріѣздъ отъ полиціи, и т. д. Все это требуетъ связей въ интеллигентныхъ и имущихъ слояхъ общества, и престижемъ комитета, а также, конечно, составомъ жителей города, обусловливается въ значительной мѣрѣ успѣшное выполненіе этихъ задачъ комитета. Каждый крупный фактъ партійной жизни — частый выходъ прокламацій, демонстраціи, митинги, всеобщая забастовка и т. п. — отзывается и непосредственнымъ улучшеніемъ какъ денежныхъ средствъ, такъ и дѣла собиранія адресовъ, квартиръ и другихъ видовъ помощи общества.

Большая часть комитетовъ имѣетъ собственныя небольшія типографіи, служащія, главнымъ образомъ, для печатанія прокламацій. Постановка типографіи, закупка шрифта и бумаги, доставленіе ихъ въ помѣщеніе типографіи и вывозъ оттуда отпечатанныхъ листовъ требуютъ затраты массы силъ и огромныхъ предосторожностей. И однако, съ этой задачей комитеты въ общемъ справляются удачно: ростовская типографія, выпускавшая прокламаціи во время стачки ежедневно; бакинская, три раза накрытая и раззоренная жандармами, и каждый разъ немедленно возобновлявшаяся; кіевская, дѣйствовавшая безъ перерыва почти пять лѣтъ,—служатъ тому убѣдительнымъ примѣромъ.

2) *Центральныя учрежденія партіи.*

Верховной инстанціей партіи является съѣздъ, который на будущее время долженъ собираться по возможности не рѣже одного раза въ годъ.

Представительство на съѣздѣ имѣютъ центральныя учрежденія партіи и мѣстные комитеты ея. Съѣздъ выбираетъ Цен. Ком. партіи, на который возложено руководство и объединеніе всей партійной дѣятельности; онъ же обязанъ организовать и вести общепартійныя техническія предпріятія (транспортъ, большія общепартійныя типографіи и т. п.) и заботиться о возстановленіи комитетовъ и мѣстныхъ организацій партіи въ случаѣ ихъ полнаго разгрома полиціей. Кромѣ Ц. К. съѣздъ выбираетъ редакцію Цен. Орг., каковымъ признана „Искра". Редакція Цен. Орг. совершенно независима отъ Цен. Ком., и уставъ предоставляетъ ей право непосредственныхъ сношеній съ комитетами и ознакомленія со всѣмъ ходомъ ихъ дѣятельности. „Искра" выходитъ въ настоящее время не рѣже двухъ разъ въ мѣсяцъ, каждый номеръ въ размѣрѣ 8-12 страницъ газетнаго формата. Для объединенія и согласованія дѣятельности Ц. К. и Ц. О., а также для представительства партіи въ сношеніяхъ съ другими партіями, существуетъ Совѣтъ Партіи, составленный изъ делегатовъ отъ Цен. Ком. и Цен. Органа (по два отъ каждаго) и пятаго члена, выбираемаго съѣздомъ. И Ц. К., и Ц. О. имѣютъ право самопополненія новыми членами, причемъ однако требуется единогласіе; если единогласіе не достигнуто, по предложенію Совѣта выборы должны быть произведены снова, и въ такомъ случаѣ для пріема новаго члена нужно лишь простое большинство голосовъ.

Отношенія Ц. К. къ мѣстнымъ комитетамъ не опредѣлены точно въ уставѣ: сказано лишь, что всѣ входящія въ партію организаціи вѣдаютъ автономно всѣ дѣла, относящіяся спеціально и исключительно къ той области партійной дѣятельности, для завѣдыванія которой онѣ созданы.

3) *Заграничная дѣятельность партіи.*

Заграничная Лига Русской Революціонной Соціальдемократіи признана съѣздомъ единственной партійной организаціей заграницей. Въ составъ Лиги вошло и значительное число членовъ дру-

гихъ заграничныхъ организацій, прекратившихъ свое существованіе послѣ съѣзда — „Союза русскихъ соціальдемократовъ“ (Рабочее Дѣло) и группы „Борьба“. Главная задача Лиги: пропаганда и агитація среди руской молодежи и русскихъ рабочихъ заграницей, распространеніе партійной литературы, освѣдомленіе иностранной печати о ходѣ русскаго движенія, сборъ денежныхъ средствъ.

Лига руководитъ дѣятельностью цѣлаго ряда „Группъ Содѣйствія Партіи“ (болѣе 20), имѣющихся во всѣхъ центрахъ скопленія русскихъ заграницей. Въ составъ этихъ группъ входятъ обыкновенно и живущіе на мѣстахъ члены Лиги. „Группы“ завѣдуютъ распространеніемъ литературы и сборомъ денегъ и устраиваютъ кружки для пропаганды научнаго соціализма, дискуссіонныя и агитаціонныя собранія, библіотеки и т. п. Рефераты читаются обыкновенно членами Лиги. При отдѣльныхъ группахъ содѣйствія существовали до сихъ поръ кассы для помощи эмигрантамъ, ссыльнымъ и заключеннымъ. Въ настоящее время дѣло помощи эмигрантамъ, число которыхъ неудержимо растетъ съ ростомъ числа жертвъ революціонной борьбы (большинство этихъ эмигрантовъ черезъ нѣкоторое время возвращается въ Россію „нелегально“, т. е. подъ чужимъ именемъ), объединяется подъ совмѣстнымъ руководствомъ Лиги и Загр. Ком. Бунда.

За послѣдній годъ Лигою, совмѣстно съ другими соціальдемократическими организаціями заграницей, былъ устроенъ рядъ митинговъ протеста противъ русско-японской войны и избіенія политическихъ ссыльныхъ въ Якутскѣ. Былъ организованъ также особый денежный сборъ для стачечниковъ въ Криммичау (Саксонія).

Бюджетъ Лиги, при нормальныхъ условіяхъ, достигаетъ 25-30000 фр. въ годъ.

V. Тюрьма и ссылка.

Невозможно вычислить всѣ жертвы, понесенныя рабочимъ движеніемъ въ Россіи за этотъ періодъ. Участіе въ профессіональной борьбѣ такъ же, какъ и участіе въ политической борьбѣ, карается русскимъ правительствомъ безпощадно. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ репрессія слѣдуетъ не въ судебномъ, а въ административномъ порядкѣ, что еще больше затрудняетъ регистрацію. Можно сказать съ увѣренностью, что количество лицъ, подвергшихся за эти 4 года преслѣдованію за участіе въ „нелегальной“ дѣятельности, значительно больше 20.000. И изъ этого количества, какъ показываютъ отдѣльныя анкеты, произведенныя въ центральныхъ тюрьмахъ, значительно болѣе половины приходится на долю товарищей, работающихъ подъ знаменемъ Р. С.-Д. Р. П.

Нѣкоторое представленіе о количествѣ жертвъ революціонной борьбы могутъ дать лишь слѣдующія оффиціальныя данныя, извлеченныя изъ „представленія Министра Юстиціи въ Государственный Совѣтъ“ (28 января 1904 г.): *(См. таблицу № 1).*

Что же касается мѣръ взысканія, принятыхъ по „высочайшимъ“ повелѣніямъ въ отношеніи обвиняемыхъ по означеннымъ дѣламъ, то мѣры эти распредѣляются такимъ образомъ: *(См. таб. № 2).*

Необходимо замѣтить, что въ эту таблицу не вошли дѣла, разрѣшенныя въ такъ наз. „охранномъ порядкѣ“, т. е. единоличною властью министра внутрен. дѣлъ (а число такихъ дѣлъ было за послѣдніе годы огромно), а также то безконечное количество высылокъ на родину, арестовъ, штрафовъ и пр., которые налагаютъ, въ силу предоставленной имъ власти, генералъ-губернаторы, губернаторы, градоначальники и т. д.

Таблица № 1.

Годы.	Число поступившихъ въ Мин. Юстиціи формаль ныхъ дознаній.	Число привлеченныхъ къ симъ дѣламъ лицъ.	Число дознаній, разрѣшенныхъ по высочайшимъ повелѣніямъ.	Число привлеченныхъ къ этимъ дознаніямъ лицъ.	Число лицъ, понесшихъ по высочайшимъ повелѣніямъ взысканіе.	Число дознаній, переданныхъ на военный судъ.	Число привлеченныхъ по симъ послѣднимъ дозна ніямъ лицъ.	Число дознаній, пріостановленныхъ и прекра щенныхъ.	Число привлеченныхъ къ прекращеннымъ дознаніямъ лицъ.
1894	158	919	56	559	366	3	3	61	120
1895	259	944	90	623	367	2	2	175	407
1896	309	1668	67	561	345	3	4	180	335
1897	289	1427	122	1474	1051	4	11	180	499
1898	257	1144	149	1001	706	1	1	108	135
1899	338	1884	166	1325	866	2	4	156	82
1900	384	1580	144	1363	919	4	10	119	162
1901	5 0	1784	250	1238	914	1	3	197	310
1902	1053[1]	3744[1])	347	1678	1147	5	5	364	303
1903	1988[2])	5590[2])	1522	6405	4867	10	45	791	429

Таблица № 2.

Годы.	Выслано иностранцевъ безвозратно заграницу.	Выслано въ Сибирь.	Выслано въ отдаленныя не-Сибирскія губерніи.	Подчинено гласному надзору полиціи.	Подвергнуто: Тюремному заключенію.	Подвергнуто: Аресту.
1894	5	21	34	244	156	29
1895	6	42	66	219	104	20
1896	1	53	42	218	105	16
1897	11	117	79	767	148	92
1898	2	47	119	340	162	88
1899	11	49	105	308	108	195
1900	1	49	85	618	57	102
1901	9	38	51	486	203	141
1902	10	115	77	193	362	217
1903	31	910	592	1268	332	845

*) Изъ сего числа 3 дѣла о 38 лицахъ переданы на разсмотрѣніе судебныхъ палатъ, съ участіемъ сословныхъ представителей, въ порядкѣ, опредѣленномъ 2 ч. 1030 ст. уст. угол. суд.

**) Изъ сего числа 12 дѣлъ о 28 лицахъ переданы на разсмотрѣніе судебнымъ палатамъ, съ участіемъ сословныхъ представителей, въ порядкѣ, опредѣленномъ 2 ч. 1030 ст. уст. угол. суд.

Приведемъ еще на выдержку краткія данныя о нѣкоторыхъ тюрьмахъ, показывающія соціальный составъ политическихъ заключенныхъ.

Въ *Кіевской тюрьмѣ*, напр., составъ этотъ представляется въ такомъ видѣ:

		1901 г.		%.		1903 г.		%.	
Всего имѣются свѣдѣнія о		285 чел.				600 чел.			
Въ томъ числѣ:									
Интеллигентовъ:	М. .	103	131	36,8	46,3	160	236	26,4	39,0
	Ж. .	28		9,5		76		12,6	
Рабочихъ	М. .	138	154	48,1	53,7	331	371	55,0	61,0
	Ж. .	16		5,6		40		6,0	

Нижегородская тюрьма за 1902 г.

Всего имѣются свѣдѣнія о 170 чел.

				%	
Въ томъ числѣ:					
Интеллигентовъ:	М. . . .	62	79	36,5	46,5
	Ж. . .	17		10,0	
Рабочихъ:	М. . . .	90	91	53,0	53,5
	Ж. . .	1		0,5	

Изъ этихъ, наудачу выхваченныхъ, примѣровъ видно, что рабочіе неизмѣнно преобладаютъ среди политическихъ заключенныхъ.

Количество стачечныхъ процессовъ за эти года было очень велико. Наиболѣе значительными были: процессъ обуховскихъ рабочихъ (1901 г.), кончившійся для двухъ товарищей каторжными работами, для 20 съ лишнимъ остальныхъ — арестантскими ротами на срокъ 1 — 4 года. Двѣ работницы, привлеченныя по этому дѣлу, были приговорены къ 3 и 1 году тюремнаго заключенія; далѣе, процессъ батумскихъ рабочихъ, рабочихъ тверской фабрики

Залогина, рабочихъ тифлисскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, керченскихъ (послѣдніе два по поводу всеобщей стачки 1903 г.), златоустовскихъ и др. Обыкновенно во время каждой стачки десятки, а то и сотни рабочихъ бросаются въ тюрьмы, чтобы затѣмъ быть высланными на мѣсто родины, т. е. обреченными на всѣ муки голода и безработицы; „зачинщиковъ“ же ссылаютъ въ сѣверныя и восточныя губерніи Россіи, а иногда и въ Восточную Сибирь, гдѣ теперь уже не мало находтися товарищей, сосланныхъ за участіе въ чисто профессіональномъ движеніи.

По отношенію къ собственно-политическимъ дѣламъ, описываемый періодъ времени отличается крайнимъ усиленіемъ репрессіи. Все большая часть арестуемыхъ по сомнительнымъ даннымъ „охранныхъ отдѣленій“ ссылается въ Восточную Сибирь и другія отдаленныя мѣста и на все болѣе долгіе сроки — на 5, 6, 8 и 10 лѣтъ. Ежегодно въ каждомъ крупномъ центрѣ происходятъ нѣсколько разъ крупныя „облавы“ на соціальдемократовъ, во время которыхъ вылавливаются всѣ намѣченныя полиціей „подозрительныя“ лица. Число арестуемыхъ такимъ образомъ въ одну ночь доходитъ часто до 80 — 100 и 150 человѣкъ. Часть ихъ, по истеченіи нѣкотораго времени, освобождается, за отсутствіемъ противъ нихъ уликъ даже съ русско-полицейской точки зрѣнія, остальные надолго остаются въ тюрьмѣ, откуда распредѣляюся по разнымъ мѣстамъ ссылки.

Многочисленные, хорошо обученные сыщики переѣзжаютъ изъ города въ городъ и наполняютъ станціи желѣзныхъ дорогъ. Спеціальная ихъ задача—поимка рецидивистовъ, т. н. „нелегальныхъ“, которые, скрывшись изъ мѣста ссылки, продолжаютъ свою революціонную дѣятельность подъ чужими именами. Количество такихъ „нелегальныхъ“ въ рядахъ нашей Партіи чрезвычайно увеличилось за эти года.

Каждая политическая демонстрація, разумѣется, служитъ поводомъ къ усиленной репрессіи, какъ

по отношенію къ ея захваченнымъ полиціей на на мѣстѣ участникамъ, такъ и къ организаціямъ, вызвавшимъ ее. Главной же мишенью полицейскихъ преслѣдованій являются наши типографіи и наши пункты транспорта литературы изъ за-границы. Открыть типографію — значитъ на нѣкоторое время пріостановить мѣстную агитацію и разстроить наиболѣе хорошо прикрытую часть комитетской организаціи. Разумѣется, организаціи оправляются отъ понесенныхъ ударовъ и сейчасъ же ставятъ новыя тайныя типографіи — этотъ нервъ нашего агитаціоннаго аппарата. Втеченіе одного послѣдняго года жандармамъ удалось арестовать 21 тайныхъ типографій нашей Партіи. (1 въ Петербургѣ, 2 въ Ярославлѣ, 1 въ Ростовѣ на Д., 1 въ Бердичевѣ, 1 въ Кіевѣ, 1 въ Тифлисѣ, 2 въ Одессѣ, 1 въ Батумѣ, 3 въ Баку, 3 въ Николаевѣ, 1 въ Севастополѣ, 1 въ Бобруйскѣ, 1 въ Томскѣ, 1 въ Красноярскѣ, 1 въ Харьковѣ). Въ Баку мѣстный комитетъ на взятіе типографіи каждый разъ отвѣчалъ появленіемъ новыхъ прокламацій, извѣщавшихъ объ открытіи новой печатни. Послѣ трехъ разъ жандармы сбились со слѣда, и Бакинская типографія продолжетъ работать. Особенное значеніе имѣло для жандармеріи взятіе типографій Донского (Ростовъ) и Кіевскаго комитетовъ, причинившихъ за время своего существованія особенное огорченіе правительству. Ростовская типографія прославилась во время большой стачки 1902 г., когда забрасывала городъ листками. Въ теченіе года послѣ этого ее не удавалось отыскать, пока несчастная случайность не погубила ее въ концѣ 1903 года. Кіевская типографія была старѣйшей въ нашей Партіи. Съ 1900 г., благодаря необычайному самоотверженію и умѣлости ея работниковъ, она работала неустанно, вызывая страшное озлобленіе жандармовъ, которымъ только на 5-й годъ, въ апрѣлѣ 1904 г., удалось открыть ее. Обѣ типографіи были вскорѣ же возстановлены мѣстными товарищами.

Съ вступленіемъ на постъ минитра внутр. дѣлъ

Плеве правительство рѣшило, сохраняя для большинства своихъ враговъ обычную процедуру административнаго слѣдствія и приговора, въ отдѣльныхъ случаяхъ прибѣгать къ торжественной комедіи спеціальнаго суда — коронпаго суда при закрытыхъ дверяхъ, на каждомъ шагу нарушающаго элементарныя положенія судебныхъ уставовъ. Г. Плеве стремился воспользоваться противъ революціонеровъ старинными статьями уголовнаго кодекса, позволяющаго за каждое мирное проявленіе „незаконной" политической дѣятельности карать безсрочной ссылкой съ лишеніемъ правъ, каторгой, а подчасъ и смертью. Прежде всего судебныя кары обрушились на участниковъ майской демонстраціи 1902 г., и товарищи изъ Саратова, Нижняго-Новгорода и Сормова (крупный заводъ въ Нижегородск. губ.), въ числѣ 38 человѣкъ, были подвергнуты суду въ трехъ процессахъ. Это были первые судебные процессы противъ нашей Партіи, и наши товарищи умѣло воспользовались представившимся случаемъ демонстрировать передъ судомъ значеніе русскаго рабочаго движенія. Рѣчи рабочихъ Заломова и Воеводина и нѣкоторыхъ другихъ товарищей, излагавшихъ свою социальдемократическую программу, произвели сильное впечатлѣніе на публику, ознакомившуюся съ ними изъ многочисленныхъ изданій и сыграли для насъ значительную агитаціонную роль. 20 человѣкъ были осуждены коронымъ судомъ на вѣчное поселеніе въ Сибири съ лишеніемъ всѣхъ гражданскихъ правъ, нѣсколько человѣкъ приговорены къ долголѣтнему тюремному заключенію, — и въ числѣ этихъ осужденныхъ находятся люди, завѣдомо не участвовавшіе въ „преступныхъ" майскихъ демонстраціяхъ, но поплатившіеся за то, что на судѣ заявили о своей солидарности съ товарищами. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовали суды надъ товарищами, арестованными при раскидкѣ прокламацій, призывающихъ къ демонстраціямъ. Трое рабочихъ въ Саратовѣ, 1 въ Екатеринославѣ, 2 въ Николаевѣ и 1 въ Елисаветградѣ появились на скамьѣ подсудимыхъ. Опять

тѣ же драконовскіе приговоры, причемъ рабочій Соснюкъ въ Елисаветградѣ, 17 лѣтъ, былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на 3 года — за расклейку соціальдемократическихъ прокламацій. Рѣчь саратовскаго рабочаго Денисова, приговореннаго за такое же „преступленіе" къ ссылкѣ на вѣчное поселеніе въ Сибирь, еще разъ показала судьямъ, какая моральная сила таится въ той пролетарской массѣ, которая вступила въ борьбу съ царизмомъ. Процессъ тайной типографіи „Искры" (въ Кишиневѣ) послужилъ снова поводомъ для товарища Л. Гольдмана произнести сильную рѣчь, а для судей — осудить 6 пролетаріевъ на вѣчную ссылку. Но всего этого мало. Произведшая грандіозное впечатлѣніе демонстрація 2 марта 1903 г. въ Ростовѣ на Дону, организованная Донскимъ Комитетомъ, привела правительство въ ярость. Во время демонстраціи произошла схватка толпы съ налетѣвшей на нее кучкой полицейскихъ, причемъ былъ убитъ ударомъ палки одинъ полицейскій офицеръ. Этого обстоятельства было достаточно, чтобы правительство предало около 20-ти лицъ, частью замѣченныхъ на демонстраціи, частью вовсе не бывшихъ на ней, но оговоренныхъ шпіонами, — военному суду съ примѣненіемъ законовъ военнаго времени. Молодой товарищъ, Александръ Браиловскій, сказавшій рѣчь, въ которой приглашалъ отъ имени комитета рабочихъ на мирную демонстрацію, былъ, вмѣстѣ съ двумя рабочими, приговоренъ къ смертной казни, другіе — къ каторжнымъ работамъ и ссылкѣ. Чудовищный приговоръ былъ „смягченъ" царемъ, и Браиловскій, Колосковъ, Куксинъ, Васильченко и др. рабочіе томятся теперь въ Сибирскихъ каторжныхъ тюрьмахъ, обреченные пробыть тамъ большіе сроки (до 15 лѣтъ). И опять полное достоинства и беззавѣтной смѣлости поведеніе этой молодежи на судѣ послужило лучшимъ агитаціоннымъ матеріаломъ для нашей Партіи.

Жертвы, которыя несетъ наша Партія въ борьбѣ съ царизмомъ, неисчислимы. Въ многочисленныхъ

тюрьмахъ десятки и сотни рабочихъ и интеллигентовъ, мужчинъ и женщинъ ведутъ ежедневно упорную борьбу съ русскими тюремщиками, методически проводящими, по внушенію изъ Петербурга, систему моральныхъ и физическихъ пытокъ надъ политическими заключенными. Послѣдніе протестуютъ главнымъ образомъ „голодовками“ — примитивнымъ, страшно много жертвъ стоющимъ, но подчасъ незамѣнимымъ, при отсутствіи свободы печати, средствомъ борьбы противъ системы униженій и мучительства. Иногда эти „голодовки“ улучшаютъ положеніе заключенныхъ, но сколько жизней разбивается въ нихъ, сколько нервныхъ системъ въ конецъ расшатываются! Хроники революціонныхъ изданій пестрѣютъ извѣстіями о преждевременной смерти, сумашествіяхъ, самоубійствахъ жертвъ тюремныхъ порядковъ. А въ мѣстахъ ссылки — въ Сибири и въ отдаленныхъ губерніяхъ европейской Россіи — изнываютъ тысячи революціонеровъ, которымъ запрещены полиціей почти всѣ виды труда, и которые подвергнуты невыносимому режиму полицейскихъ преслѣдованій. Десятки и сотни успѣваютъ бѣжать изъ этихъ захолустій, но для массы — особенно рабочихъ — побѣгъ, стоющій много денегъ, невозможенъ. Приходится въ ссылкѣ продолжать ту борьбу, которая велась въ тюрьмѣ, — борьбу за элементарныя условія существованія. И эта борьба уноситъ не мало жертвъ. Съ появленіемъ во главѣ русскаго правительства Плеве, ссыльные стали объектомъ новой гнусной травли, имѣвшей цѣлью довести ихъ до отчаянія. Послѣ жестокаго избіенія, совершеннаго надъ группой товарищей въ Иркутской губерніи, въ другомъ центрѣ ссылки — г. Якутскѣ — наши товарищи рѣшили съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать выполненіе указанныхъ въ законѣ положеній о ссыльныхъ. Предъявивъ свои требованія губернатору, они, въ числѣ 57 лицъ, среди которыхъ были соціальдемократическіе дѣятели со всѣхъ концовъ страны, забаррикадировались въ одномъ домѣ, заявивъ, что не выйдутъ до исполненія этихъ требеваній. Домъ подвергся осадѣ войскъ, а подъ конецъ и обстрѣливанію. 2000 пуль было выпущено въ товарищей (среди нихъ было 7 женщинъ), но, благодаря хорошей организаціи защиты, былъ убитъ только одинъ — видный агитаторъ Партіи, кузнецъ Ю. Матлаховъ. Остальные вынуждены были сдаться и теперь ждутъ надъ собой суда и каторжнаго приговора въ увѣренности, что ихъ смѣлое возстаніе не преминетъ повліять на положеніе ссыльныхъ, сдѣлавъ администрацію болѣе осторожной въ ихъ провоцированіи.

Недавнее предложеніе правительства „помиловать“ тѣхъ изъ политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ, которые подадутъ прошенія о зачисленіи ихъ рядовыми въ дѣйствующую армію, было встрѣчено во всѣхъ ссыльныхъ колоніяхъ единодушными протестами, какъ противъ самой войны, преступно затѣянной самодержавіемъ, такъ и, въ частности, противъ попытки воспользоваться борцами за свободу, какъ пушечнымъ мясомъ. Даже изъ Акатуевской каторжной тюрьмы, гдѣ томятся ростовскіе демонстранты и польскіе рабочіе, раздался призывъ къ протесту противъ войны и къ борьбѣ за свободу.

Оглавленіе.